

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-373-415

УДК 821.161.1

Как издавался «Петербург» А. Белого (По документам из архива Л.К. Долгополова)

В.Э. Молодяков

Аннотация: Публикация неоконченного мемуарного очерка исследователя русской литературы начала XX века Л.К. Долгополова (1928–1995) и комплекса документов из его архива, посвященных издательской судьбе романа А. Белого «Петербург» в академической серии «Литературные памятники».

Ключевые слова: История отечественной филологии, Л.К. Долгополов, А. Белый, «Литературные памятники», научная подготовка изданий, историография русского символизма.

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Слова «не надо заводить архивы» Леонид Константинович Долгополов понимал буквально: собственные рукописи после публикации обычно выбрасывал, как и материалы к ним. Навещая его в очередной раз в Петербурге в 1994 г., я увидел у двери в прихожей большой старый чемодан, а на вопрос о том, что в нем, услышал: «Старый бумажный хлам. Будете уходить, отнесите на помойку, а то мне тяжело» (в доме не было лифта). С разрешения хозяина я открыл чемодан и... ни одной «бумажки» на помойку, конечно, не попало. С его же разрешения все они достались мне с правом «делайте что хотите», но «после моей безвременной», как говорил Долгополов, вряд ли, впрочем, предчувствуя, как скоро это произойдет. Содержимое чемодана и другие материалы, которые я получил, легли в основу нескольких публикаций и сборника «Леонид Долгополов. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное», издание которого будет приурочено к 90-летию ученого.

Перебирая «старый бумажный хлам», Долгополов обычно снабжал его ироническими замечаниями, поэтому услышав: «А вот это вам может быть любопытно», — я удивился. В протянутой мне папке оказались документы, связанные с изданием «сибирской» редакции романа Андрея Белого «Петербург» в серии «Литературные памятники». Леонид Константинович по праву гордился этой работой и потому, наверное, не выбросил их. Документы охватывали период в 14 лет, с подачи заявки в редколлегию серии (сначала на переиздание мемуаров Белого) в 1967 г. до выхода книги в 1981 г. Я догадывался, что процесс издания был непростым, но не знал, насколько.

Долгополов воодушевился и принялся рассказывать, заполняя лакуны между лежавшими в папке бумагами. С уважением и благодарностью он говорил о Д.С. Лихачеве, «пробившем» издание, и о поддержавшем заявку Н.И. Конраде (лично они не встречались). Иронические нотки были заметны в уважительных рассказах о Д.Е. Максимове, который, всячески уклоняясь от работы над книгой, оказался невольным виновником задержек с подготовкой издания: «Он трясся и говорил: “Нас посадят”».

Рассказ настолько увлек меня, что я попросил записать его: «У Ильфа и Петрова было “Как создавался Робинзон”, а вы напишите “Как издавался *Петербург*”. А там придумаем, где это напечатать». Долгополов отнекивался (в последние годы жизни ему, по собственному признанию, «не писалось»), но все-таки принялся за работу, решив опубликовать документы со своим мемуарным предисловием. Тема захватила его: он начал рассуждать о романе как «петербургской вселенной», потом перешел к воспоминаниям молодости и... так и не добрался до истории издания. Последний, недописанный лист, вынутый из пишущей машинки после смерти автора, отдала мне его дочь Е.Л. Долгополова вместе с началом очерка и папкой документов о «Петербурге». Я обещал их напечатать, но не думал, что это настолько затянется.

И предисловие Долгополова, и публикуемые тексты говорят сами за себя. Не стоит удивляться словам Лихачева о необходимости «установить на роман марксистскую, советскую точку зрения» и «воспрепятствовать распространению ненаучных домыслов и измышлений», — ведь писал-то он в Отдел культуры ЦК КПСС с целью ускорить издание. Многим могут показаться резкими и несправедливыми отзывы Долгополова о бывших коллегах по ИРЛИ, но автор, во-первых, сам предназначал этот текст к печати, а во-вторых, действительно, был «трудным, неровным в общении, склонным подчас к чрезмерно категоричным суждениям и оценкам», как написал в некрологе его друг В.А. Келдыш (Литературная газета. 1996. 17 янв. № 3). От службы в ИРЛИ у Долгополова остались тяжелые воспоминания (не нам судить, насколько обоснованные), поэтому он не любил говорить о ней, а если говорил, то в выражениях не стеснялся. Да разве он один?! В интереснейшей переписке В.Н. Орлова и И.С. Зильберштейна первый из корреспондентов назвал А.С. Мясникова «субогим и угрюмым дурнем» и «махровым проработчиком»¹. Речь шла не о самом, мягко говоря, выдающемся ученом, однако публикуемое ниже его письмо к Долгополову показывает автора внимательным и квалифицированным читателем, уважительно подошедшим к работе младшего и «нечинновного» коллеги, к которому он обращается именно как к коллеге, не настаивая на своих суждениях.

Сведения о большинстве лиц и публикаций, упоминаемых в мемуарном очерке и документах, имеются в общедоступных источниках, включая справочник «Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2005).

¹ И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2006. С. 403.



ДОЛГОПЛОВ Леонид Константинович [21.10.1928, Владикавказ — 04.04.1995, Санкт-Петербург].

Окончил филологический факультет Саратовского университета (1951). В 1951–1952 гг. преподавал русский язык в Ачинском учительском институте (ныне Ачинский педагогический колледж). Окончив курсы языковедов при МГПИ, в 1953–1955 гг. работал старшим преподавателем кафедры современного русского языка Сыктывкарского педагогического института (ныне Коми государственный педагогический институт). Аспирант ИРЛИ (1955–1958), младший научный сотрудник Сектора советской литературы (1958–1969) и Сектора новой русской литературы (1969–1971). В 1962 г. на филологическом факультете ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию «Поэмы Блока (“Возмездие”, “Двенадцать”))». С 1971 г. на творческой работе, с 1980 г. член Союза писателей СССР. В 1988 г. в ИРЛИ защитил докторскую диссертацию «Андрей Белый и его роман “Петербург”». С 1986 г. участник международных конференций во Франции, Италии, США. Талантливый лектор и популяризатор.

Печатался с 1958 г. Основные работы посвящены русской литературе конца XIX и начала XX вв. как «литературе *рубежа* — и веков, и исторических эпох», «соединительному звену между ними и одновременно водоразделу». Автор монографий о жизни и творчестве А.А. Блока, которого он считал «наиболее крупной фигурой в поэтическом движении конца XIX — начала XX века», и А. Белого, статей о М. Горьком, И.А. Бунине, А.А. Ахматовой в связи с их отношениями с символизмом как «новым типом художественного мышления», о М.А. Волошине, Е.И. Замятине, В.В. Маяковском, Б.Л. Пастернаке в связи с восприятием ими русской революции. Основные темы: «глубина проявления личности поэта в ее соотнесенности со временем», «отношение художника к миру, в котором вращается его “герой”», «проблема жизненного (а также творческого) пути как становление личности по этапам внутреннего созревания», отражение в произведениях общественно-политических реалий эпохи и мировоззрения автора, эволюция литературных жанров и течений.

Леонид Долгополов

Как мы издавали «Петербург»

Если видеть в истории не нагромождение событий, не имеющих никакой логической связи, а совокупность событий и действий лиц, тут же по возникновении становящихся независимыми от их воли, то есть приобретающих некий самодостаточный характер, то надо признать, что происходящее ныне в России и нелепо названное либералами «перестройкой», есть ничто иное как крушение империи, начало создания которой уходит едва ли не в эпоху Иоанна Грозного. Рушится строй, планомерно создававшийся на протяжении многих веков русской истории. Только крушение Римской империи может сравниться с тем, что происходит в нынешнем мире.

О неизбежности этого крушения, которому суждено будет иметь глобальный, вселенский характер, и написан роман Андрея Белого. Собственно, романом он может быть назван лишь условно. Это не художественное произведение в том смысле, который мы привыкли иметь в виду, говоря о русской классической и западноевропейской литературе. Лица, выведенные Белым, не могут быть названы действующими лицами романа, затрагивающего те или иные проблемы русской истории; так же как описанные в романе события не могут расцениваться нами ни как типические, ни как хотя бы приблизительно достоверные. Белым создана в «Петербурге» особая вселенная — петербургская вселенная, от довременного хаоса возникшая и завершившая свое существование взрывом, возвестившим о ее конце, но также и о возникновении новой вселенной. «Астральным» назвал роман Белого Н. Бердяев, и лучшего определения дать ему уже невозможно².

Впоследствии по стопам Андрея Белого пойдет Анна Ахматова в «Поэме без героя», где ею будет создан свой, трагически-игровой, но тоже петербургский космос. Причем выходы за пределы бытовой эмпирики у нее подчас более наглядны, нежели у ее предшественника.

И для них обоих важен Петербург именно как столица империи, то есть центральная точка рисуемой вселенной. «Если же Петербург не столица, — пишет в Прологе Андрей Белый, — то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует». «Траурным» называет Петербург и Ахматова и пишет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты...

² «Астральный роман» — так называется рецензия Н. Бердяева, и это заглавие идет в одном ряду с заглавием другой рецензии — Вяч. Иванова, столь же выразительной — «Вдохновение ужаса».

«Валились» — куда? Если стоять у начала моста и смотреть, как съезжает карета по противоположному его спуску, то создается впечатление, что она проваливается, валится куда-то вниз — в тартарары, в преисподнюю, но само «проваливание» кареты столь очевидно, что странно, как этого никто до сих пор не заметил.

Такими провалами наполнены оба произведения. У истоков обоих произведений стоит «Медный всадник» Пушкина — его «Петербургская повесть» есть первая в русской литературе попытка создания петербургской вселенной — со своими истоками (пока еще историческими) и своим финалом (пока еще только трагическим). Но уже у Пушкина проклевывается будущее: «С Божией стихией царям не совладать», — произносит в поэме «покойный царь», то есть Александр I, победитель Наполеона, любимец Европы, великий властелин. Как и разночинец Евгений, «маленький человек», житель Коломны, он бессилен перед «Божией стихией», точкой проявления которой и оказывается столица Российской империи, город Петербург. С другой стороны, Пушкин как будто через безумие Евгения выходит к предварению неких космических сил, обрушившихся на Россию через посредство Петра I, который в центральной сцене поэмы — сцене погони — обращается в своего протагониста-кумира на бронзовом коне. И теперь уже он, кумир, образ явно космоцентричный, преследует несчастного разночинца:

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне...

И луна (космический пейзаж!), и Всадник медный, и сама сцена погони перейдут в «Петербург» Белого, где, социально переиначенные, составят основу самой концепции романа, где город уже окончательно будет лишен своих реально-исторических признаков, превратившись в достоверность символического свойства. И это уже будет не город, а «праздная мозговая игра» некоего «неданного в романе лица».

Люди и их теневые подобия действуют в романе Белого на равных. «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей». И затем «черепная коробка» «носителя бриллиантовых знаков» (сенатора Аблеухова) становилась в момент работы «чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир».

Пушкин, Достоевский, А. Белый, Анна Ахматова — вот главные вехи формирования космической мифологии Петербурга. О «неведомом назначении» города прямо говорится в «Поэме без героя». Город как бы находится на грани двух взаимосвязанных

миров: реального и ирреального, антропоцентрического и космоцентрического, бытового и вселенского.

Едва ли не у каждого из героев А. Белого есть свой мифологический «предок». К этому же тянет и Анну Ахматову, но в более простой форме. «Ты сбежала сюда с портрета», — говорит она о «героине» поэмы Глебовой-Судейкиной и продолжает:

Ты в Россию пришла ниоткуда.
О мое белокурое чудо...

Это ведь и есть вариант «праздной мозговой игры», реализации и материализации «мысленных образов» Андрея Белого. Мифология и быт, космическое и «земное» также слиты у Ахматовой, построены по тому же принципу, что и у А. Белого, а далее — Достоевского и Пушкина.

Слишком многое идет у Ахматовой от ее предшественников. Это и идея Медного всадника («невидимых звон копыт»), ассоциируемая с идеей апокалиптического коня (Конь блед, а на нем всадник и имя ему Смерть); наконец, идея праздной мозговой игры, вследствие которой и возник этот призрачный город. Идея эта у Ахматовой реализуется в материализации некоей тени, принявшей облик персонажа «без лица и названья». Это и есть и тень, и ее материализация, и персонаж «полночной гофманианы», и демиург, «основавший» город не где-нибудь, а «у устья Леты-Невы», т.е. на границе миров. И не только и не просто город, но, как и у Белого, грандиозный символ-знак, сочетающий в своей семантике и идею гибели, и идею бессмертия, и быт, и мифологию, и реальную историю, и «космические прельщения», как говорил Н. Бердяев. Как и у Достоевского, он уходит прочь, растворяется в тумане («город в свой уходил туман») как некое зловещее видение. Здесь будет город заложен (Пушкин) — умышленный город (Достоевский) — чья-то праздная мозговая игра (А. Белый) — там, у устья Леты-Невы (Ахматова) — по такой линии и развивалась петербургская тема в русской литературе. Реальное тут соседствовало с воображаемым, жизнеподобное с вопросами и страшноватыми прозрениями.

Роман А. Белого — «роман итогов», как определила Ольга Форш. Итогов, которые отчасти будут повторены Анной Ахматовой. Из столицы империи медленно, но верно он превращался в столицу теневого мира.

Естественно, я ничего этого не знал, когда в середине шестидесятых годов приступил к переизданию полной редакции «Петербурга» для известной академической серии «Литературные памятники» с благословения тогдашнего председателя редакционной коллегии серии акад. Николая Иосифовича Конрада и ее

члена акад. Дмитрия Сергеевича Лихачева. Этим двум людям мировое литературоведение и обязано тем, что получило в руки роман, задуманный и осуществленный в преддверии Первой мировой войны, без которого сейчас уже никак невозможно представить себе европейскую словесную культуру XX века. Мало кем замеченный, недооцененный при своем появлении на свет в 1913–1914 гг., он стал явлением сенсационным при вторичном появлении в 1981 году. Вышел из небытия и занял свое огромное место в культурном развитии XX века автор этого необычного романа Андрей Белый. Но все это произошло потом. В шестидесятые годы дело обстояло и проще, и сложнее.

Непосредственный исполнитель идеи, я был обыкновенный советский аспирант, окончивший в 1951 г. филологический факультет Саратовского университета, хотя и выделявшегося среди других провинциальных вузов, но подчиненного единой государственной программе. В курсе русской литературы Достоевскому отводилась всего одна лекция (два часа), о Белом вообще никто ничего не знал, Анна Ахматова была под строжайшим запретом: после 1946 года имя ее было непроизносимо. И хотя моими учителями по университету были такие ученые, как А.П. Скафтымов и особенно Юлиан Григорьевич Оксман, это мало что давало. А.П. Скафтымов затаился, ушел в себя, вел семинар по Чехову, которого боготворил, читал курс истории русской критики, оставляя в стороне Белинского, зато много и подробно говоря об Ап. Григорьеве и Дружинине. Оксман, несмотря на десятилетнее пребывание в ссылке (он был с 1936 по 1946 год в Магадане), оставался яростным сторонником и апологетом марксистского литературоведения, которое он, правда, хотел видеть «с человеческим лицом». Активно занимался Белинским, которого по-человечески любил, высоко и с почтением отзывался о Плеханове как крупнейшем представителе марксистской критики в России, с неподдельным пиететом цитировал ленинские оценки русской литературы — Белинского, Льва Толстого и др. Искренность его не поддавалась сомнению, хотя временами вызывала некоторое недоумение. Литература была для него напрочь лишена эстетического, самодовлеющего начала, она целиком была отражением политической борьбы в обществе. Блистательно читавшийся им спецкурс по Пушкину, слушать который приходила вся интеллигенция Саратова, был курсом по истории политической борьбы первой трети XIX века. Знания его в этой области были уникальны, прозрения точны и отчетливы. Казалось, он сам непосредственно общался не только со всеми членами царской фамилии, но и со всеми представителями светского общества, так или иначе имевшими отношение к Пушкину и его жизненной драме. Но вот в политике своего времени он не разбирался совершенно, был наивен и не-

сведущ, как ребенок. Много хлопот доставил он парткому и деканату филфака Университета, много забот дал саратовскому отделению КГБ. Он не ощущал чувства времени, которого был совершенно лишен: воевал тогда, когда надо было молчать (ибо воевать было бесполезно), молчал тогда, когда надо было воевать, надеялся тогда, когда надеяться было не на что, ибо сами надежды оказывались ложью и одурачиванием обывателя. Жил он шумно, активно, но... очень ограниченно³.

Окончив в 1951 г. университет и помаявшись по провинциальным вузам, где мне приходилось читать самые разные курсы — от фольклора до современного русского языка, я в 1955 г. приехал в Ленинград и поступил в аспирантуру Пушкинского дома.

К этому времени Пушкинский дом представлял собой уже печальное зрелище. Произведенная в 1948–49 и 1950–51 гг. расправа над интеллигенцией (под видом борьбы с «космополитизмом») обернулась для него непоправимой трагедией, навсегда — как это видно теперь — лишив его былого культурного и научного значения. И если нынешняя роль Пушкинского дома приближается к нулевой отметке, то виновны в этом не абстрактные обстоятельства, а кампания конца 40-х годов по уничтожению остатков российской интеллигенции. Ее осуществляли люди, имена которых не должны быть забыты, хотя и они сами, и их нехитрые работы давно отошли в небытие. Это: А.С. Бушмин, директор Института, окончивший в свое время Воронежский ветеринарный институт и лишь впоследствии заочно — факультет литературы и языка Воронежского педагогического института, человек не бездарный, много работавший «над собой», но малокультурный. Кандидатом наук был назначен директором Пушкинского дома. Ему в заместители дали члена-корреспондента АН СССР, известного ученого-компаративиста М.П. Алексеева, который и представлял Пушкинский дом во время знатных визитов и приемов, чем и заработал себе звание академика и возможность поездок за границу. Вел себя М.П. Алексеев послушно и покорно, и хотя иногда и срывался, но быстро приходил в себя и отходил в сторону. Вокруг Бушмина и формировалась банда лихих литературоведов-«марксистов»: Федор Прийма, В.Г. Базанов, Никита Пруцков, писавший доносы на кого угодно по первому требованию начальства, К.Н. Григорьян, многолетний тайный сотрудник КГБ, громгласно утверждавший во время обсуждений одной из моих статей по Белому, что «это не наша идеология!». При этом он вздымал вверх свою волосатую руку, сжимая ее в весьма внушитель-

³ Ю.Г. Оксман был слишком крупной фигурой (во всяком случае, на моем пути), и говорить о нем следует специально. Здесь я сделать этого не могу по задачам самой работы.

ный кулак. Это и В.А. Ковалев, зав. сектором советской литературы, написавший удручающую по бездарности и скуке книгу «Романы Леонида Леонова», и В.В. Тимофеева, «специалист» по советской литературе, многолетний редактор журнала «Русская литература», человек осмотнительный, но колеблющийся, хотя и твердо стоящий на страже «заветов Ильича».

Психология этих людей была проста: они добились «положения», получили право выносить свои суждения, решать судьбы, громогласно выражать и писать свои марксистские благоглупости, а подчас и заниматься подтасовками (особенно в этом деле поднаторел Ф.Я. Прийма). Эта черная накипь сдута сейчас историей в мыльную раковину, но черное дело, сделанное ими, еще много десятилетий будет давать о себе знать на состоянии русского литературоведения. Конечно, продолжали жить и активно писали и Б.В. Томашевский, и Н.В. Измайлов, и П.Н. Берков (Д.С. Лихачев был занят сотворением собственной судьбы, укрывшись за стенами сектора древней, но *русской* литературы), но не они определяли ветеринарно-литературоведческую политику Пушкинского дома. Ее определяла деятельность названной выше банды, внутри которой происходили время от времени свои «разборки», в результате которых свергались с должностей одни и назначались другие. Так, В.Г. Базанов, пользуясь наивностью Бушмина, сверг его с престола директора и занял его сам, но впоследствии и он был свергнут Приимой, который глупо и бездарно директорствовал в Пушкинском доме довольно длительное время. Бушмин как честный коммунист дрожал в присутствии любого инструктора райкома партии, с трудом отличавшего Пушкина от Лермонтова. Прийма же, сам недалеко ушедший от уровня знаний того же инструктора, умел хорошо с ними ладить, вот и получал зарплату и как директор, и как главный редактор «Библиотеки поэта», хотя одному лешему известно, каким образом он туда попал.

Последним директором из этой славной когорты непобедимых был А.С. Бушмин. Незадолго до того у него умер сын-десятиклассник от белокровия, и вид у него был не из лучших. Кроме того, похоже, что, неоднократно преданный своими же рыцарями плаща и шпаги, им взлелеянными, [он] стал сомневаться в результативности той кровавой вакханалии, которую затеяли и осуществили они в 1948 году. Похоже, что сброд, им же самим собранный с больших дорог российского литературоведения, не способен ни на что. Правда, было создано великое множество «кирпичей» — «История русской литературы», «История русской критики», «История русской повести» и т.д. и т.п., но их никто не читал и, главное, они ничего не давали для понимания русской литературы. Они были однобоки, тенденциозны, малограмотны и без всякой самостоятельной мысли. На одном из предсмертных юбилеев, по-

священных какому-то -летию Бушмина, один из пушкинодомских идиотов, кажется, некто К. Ровда, кричал, что он пьет за Бушмина «как за русского человека». А этот «русский человек» сам уже потихоньку попивал, потом все больше и больше, пока не свалился в пьяном виде с лестницы у себя же на даче, которую он отстроил себе в аристократическом поселке Комарово. Произошел то ли инфаркт, то ли инсульт, и это была весьма пошлая расплата за прошлое. Прозрение стало приходиться слишком поздно. Смерти Бушмина никто, кажется, не заметил. Его «друзья» вовсю были уже озабочены тем, как бы им выжить, сохранив и должность, и зарплату в новых условиях. Насмерть загрызая тех, кто шел им на смену, они не упускали случая запустить зубы и в горло своего же «втягзя». Последними убийцами в Пушкинском доме были В.Г. Базанов (не к ночи будь помянут) и Ф.Я. Прийма. Их тяжелые длани и я ощутил на своей шее, кровожадный блеск их глаз опалил и меня, и я бежал из этого учреждения «на свободные хлеба».

Те же, кто не захлебнулся в собственной ярости и безнаказанности, спокойно дожили свой век сотрудниками института, получая приличную зарплату и даже чем-то руководя, вроде бывшего сотрудника ГУЛАГа, как он сам аттестовал себя в анкетах, Ю.К. Герасимова, «руководившего» Блоковской группой аж до самого помутнения в мозгах. Загубивший запланированное академическое собрание сочинений А. Блока, он ушел неведь куда, мутными глазами озирая поле своей бездарной деятельности. И помог им всем дожить свой век сотрудниками Пушкинского дома его новый и нынешний директор профессор Н.Н. Скатов, личность бездарная (хотя и с националистическим душком), ими же, их прошлыми, сохраненными связями вынесенная на поверхность, чтобы он чистым воротничком и внешне интеллигентскими манерами (выбритостью щек, ровным голосом и т.д.) прикрыл те волны кровавой пены, в которой сами они стоят по колено. Но он отплатил им не только этим: он наполнил Пушкинский дом их «детисками», которые кишмя кишат в самых разных отделах и секторах Института, но которые — увы! — как и их родители, оказались совершенно неспособными к творческой работе. Вот и существует Пушкинский дом лишь номинально, не давая никакой продукции, сохраняя лишь ауру своего имени.

Я поступил в аспирантуру этого учреждения в 1955 году — в преддверии XX съезда партии, когда уже началась оттепель и Хрущев стал потихоньку выпускать из лагерей заключенных. Он так и не решился на многое, он лишь хотел подлатать этот строй, уже изживавший себя, но и этого оказалось для того времени слишком много. Во второй половине пятидесятых и начались шестидесятые годы. Изменение атмосферы я ощутил сразу же по приезде в Ленинград. Оживление, царившее и в библиотеках, и в раз-

говорах, и в обсуждении новых книг, захватило меня сразу же. Уже зашевелился в своей просторной квартире-берлоге Василий Алексеевич Десницкий-Строев, то ли большевик, то ли меньшевик в прошлом, но человек, близкий Горькому (познакомивший его с Лениным, как он сам утверждал в воспоминаниях). Это был умный, очень умный человек, многое понимавший, еще более о многом так и умолчавший. Наступавшая оттепель несколько развязала ему язык, хотя марксистом он оставался всегда. Что-то роднило его с Оксманом, но он был более плодовит, о чем свидетельствует двухтомник его статей «На литературные темы». Его отношение к событиям конца 40-х годов мне так и осталось неизвестным (он никогда ни с кем не говорил об этом), но подозреваю, что его отношение не было одобрительным. Он ведь тоже боялся, как боялись в то время все, — писал воспоминания о Горьком и Ленине, в которых больше не сказал, чем сказал, служил сотрудником сектора советской литературы Пушкинского дома (его считали украшением сектора), которым руководил бессменно «серый кардинал» Института В.А. Ковалев, редактировал какие-то фальшивые материалы (и «исследования») о Горьком, написал совершенно ужасающую статью о Блоке, которой дал, однако, весьма незаурядное для 1920–30-х годов заглавие «Социально-психологические предпосылки творчества Блока». Не просто социальные, но еще и психологические!

Я думаю, что, не умея да и не желая расставаться со своей марксистской молодостью, он, как и Оксман, просто не понимал, к чему все это привело. Он жил в знаменитом доме 73/75 по Кировскому проспекту, этом чудовищном монстре буржуазной жилой архитектуры конца XIX века. В том же доме жил и последний представитель акмеизма Михаил Леонидович Лозинский. Уйдя от всех, отрешившись от мирских забот и тягот, в течение нескольких десятилетий он переводил «Божественную комедию», ибо понял то, чего не хотел понять его сосед по дому, а именно, что произошло непоправимое. И вот результат: за свой перевод Данте он был удостоен Сталинской премии, а после смерти — мемориальной доски на одном из фасадов дома. Доска красивая: белый мрамор, золотые буквы и даты, лавровая веточка оформляет текст. О Десницком же не осталось ничего, и даже память о нем испаряется, как дым. Вот что значит понять всё, вовремя уйти в *свой* окоп и в *своем* котелке варить *свою* похлебку. Жить же половиной жизнью, приспосабливаться к царящему ужасу, угодить, кому нужно, верить — не верить — такая жизнь чревата неизбежным забвением. Быть Десницким-Строевым и служить под началом армейского политработника, каким был Ковалев, — какая ирония судьбы! Общаться с Лениным, дружить с Горьким, вместе с ним издавая газету «Новая жизнь», а под конец с трудом добывать камни для строительства дачи в Коктебеле, который он очень любил.

Ах, время, время! Чего только ты не вытворяешь с человеком! Эта дача, кажется, и была единственным *своим*, чем владел Десницкий, да и то он, кажется, не дожил до ее окончания, умер в поезде под Бологим, возвращаясь из Крыма.

Классовый подход к искусству деформирует не только искусство, но и личность исследователя, который такой подход осуществляет. Оксмана уберегли от деформации его увлеченность и блестящее знание фактического материала (у него консультировалась сама Анна Ахматова), Десницкого не уберегло ничто.

Десницкий не любил старости и боялся смерти. Рассказывают, что незадолго до его смерти его навестили сотрудницы архивного отдела Публичной библиотеки и, смущаясь, выразили желание иметь в архиве воспоминания Василия Алексеевича, в которых всё было бы описано так, «как оно было на самом деле». Выслушав их, Десницкий сердито спросил, а кто всё это будет печатать? Сотрудницы заволновались, не зная, что ответить, и были выдворены из дома в свое архивное царство. Ему, конечно, было что сказать из того, что не могло быть напечатано. А говорить для истории он, я думаю, просто побоялся. Недаром поговаривали, что именно с Десницкого был списан Горьким Клим Самгин — образ человека, желавшего подняться над борьбой, над столкновением интересов и страстей, в конечном итоге — над жизнью.

Когда время меняется столь стремительно, как оно стало меняться со второй половины 50-х годов, необходимо было увидеть в прошлом именно прошлое, требующее отныне новых критериев и оценок. И если Оксман увидел в происходящем лишь обновление прошлого, возврат к нему, но уже с человеческих (и человеческих) позиций (о чем, в частности, свидетельствуют его письма, опубликованные в сб. «Встречи с прошлым», вып. 7, 1990 г. — письма наивные и разочаровывающие), то Десницкий увидел здесь лишь оживление жизни и появившуюся возможность снова говорить о своем. Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум были по-прежнему чужды ему, во всяком случае, никакого сближения с культурно-исторической школой у него не произошло. Правда, он выступил на конференции, посвященной Блоку (ноябрь 1955 г.), но выступил не с докладом, а с какими-то невзрачными воспоминаниями. Но что поразительно и трудно объяснимо: для властей предрежащих они оба, и Оксман, и Десницкий, были так же (если не более) чужды, как и их литературоведческие антиподы — «противолагерники» Томашевский и Эйхенбаум. Марксистского литературоведения «с человеческим лицом» не получилось: оно было и не марксистским, и оскал у него был волчий. Оксмана это приводило в удивление и даже изумление, Десницкий старался этого просто не замечать и ни во что не вмешивался. Оксман гордился тем, что его учителем был жалкий социолог Н.К. Пиксанов,

но при этом спрашивал меня, почему получилось так, что победители фашизма сами оказались фашистами. Десницкий был убежден в том, что «Стихи о Прекрасной Даме» есть кабацкая лирика, но при этом отношение его и к Блоку, и к Белому было самым доброжелательным.

Я пишу так много об Оксмани и Десницком, потому что слишком хорошо представляю себе эти две колоритные фигуры — один был моим учителем по университету, другой (Десницкий) стал моим руководителем по кандидатскому сочинению, уже в Пушкинском доме.

[На этом рукопись обрывается. — В.М.]

Документы

Д.С. Лихачев — Н.И. Конраду

7 июля 1967

Председателю Редколлегии серии
«Литературные памятники»
Академику Н.И. Конраду

Глубокоуважаемый Николай Иосифович!

Посылаю Вам заявку Л.К. Долгополова об издании мемуаров Андрея Белого⁴. Я очень горячо поддерживаю эту заявку. Это не только мемуары, но это и лучшее прозаическое художественное произведение Белого (не исключая и «Петербурга», которого я очень ценю и тоже хотел бы видеть в нашей серии). К Белому сейчас приковано внимание во всем мире. Издание его мемуаров было бы событием. Л.К. Долгополов — хороший специалист по символизму, очень культурный человек и вполне в курсе той эпохи — эпохи «Серебряного века».

Я понимаю, что теперь, после издания проспекта, включить что-то новое трудно, но может быть все-таки мы сделаем исключение для Белого?

С уважением [Д. Лихачев]

Машинопись (копия) с притиской от руки:

Дорогой Л.К.!

Посылаю Вам копию письма, отосланного мною Н.И. Конраду.

С приветом Д. Лихачев

Н.И. Конрад — Л.К. Долгополову

31 июля 1967. Юрмала

Уважаемый тов. Долгополов!

Мне переслали сюда, на Рижское взморье, где я провожу свой отпуск, Ваше предложение издать в серии «Литературные памятники» три автобио-

⁴ Текст заявки в архиве не сохранился. — В.М.

графические книги Андрея Белого под объединяющим их названием «Мемуары». Вполне сочувствую этой Вашей мысли. Осенью, когда мы все снова встретимся после отпусков в Москве, мы это Ваше предложение рассмотрим. Полагаю, что Д.С. Лихачев, приславший письмо, поддерживающее Ваше предложение, не откажется сделать сообщение по этому вопросу. Если понадобится, мы пригласим и Вас.

Хотя это и преждевременно, все же я — просто в чисто литературоведческом плане — позволю себе высказать одно свое соображение, вызванное теми строками Вашего письма, в которых Вы пишете, что «воспоминания Андрея Белого содержат совершенно оригинальную концепцию развития литературы предреволюционного времени. Не все в ней изложено достаточно объективно (что надо будет оговорить в статье)...» и т.д.

Мне хотелось бы спросить Вас: что Вы имеете в виду, когда пишете «не все изложено достаточно объективно»? Кто излагает литературный процесс объективно? Келтуяла? Айхенвальд? Не беру десятка более новых историков литературы... А ведь каждый из них совершенно уверен, что излагает вещи именно «объективно». Андрей Белый создал «совершенно оригинальную концепцию развития литературы предреволюционного времени» — как Вы пишете. Ну, и честь ему и хвала! Слава богу! И не судите его! Он написал не учено («объективно» правильное) исследование, а великолепное *чисто литературное* произведение, и его концепция литературного развития — творческое создание, составной элемент общего построения его «трилогии».

И он сам — не столько *автор* этого произведения, сколько его *герой*. И герой — литературный. Как и другие персонажи его эпопеи... Например, Блок, образ которого в определенной части эпопеи составляет как бы *вторую линию двухголосой фуги*. А вообще эта трилогия Андрея Белого звучит для меня трехчастной «симфонией» — со сложным переплетом лейтмотивов. Именно «симфонией» — т.е. тем, чем казались самому Белому его ранние произведения и чем кажутся мне даже «Арабески». Поэтому не стоит ли отнести к этой трилогии только как к *литературному произведению sui generis*? Раскрыть частично *эту ее природу* и тем снять необходимость особенно пристально взвешивать — «так ли оно было *на самом деле*? Так ли это вообще важно?»

Извините за неожиданное вторжение в Ваши замыслы, но оно может косвенно подтвердить, насколько искренни мои, написанные выше, слова, где я «вполне сочувствую этой Вашей мысли».

С наилучшими пожеланиями Н. Конрад

Автограф.

Н.И. Конрад — Л.К. Долгополову

11 ноября 1967. Москва

Многоуважаемый Леонид Константинович!

Возможно, что Вас уже уведомили о решении редколлегии «Литературных памятников»: мы пришли к мысли, что из произведений Андрея Белого *прежде всего* следует издать «Петербург».

Хочу Вам пояснить это решение.

Вы уже знаете, что я отнесся к Вашей идее — «сделать» из трех мемуарных книжек Андрея Белого одно — и вполне законченное — произведение —

с большим энтузиазмом. Видимо, новизна и блеск этой идеи отодвинули в моем сознании все прочие соображения — и литературоведческого, и *вне-литературоведческого* порядка. Именно об этом в первую очередь заговорили мои коллеги.

Никто из нас не сомневался и не сомневается в том, что три мемуарные книги Андрея Белого представляют совершенно особую — и литературную, и «источниковедческую» — ценность. Все мы в равной мере согласились на том, что *уже* можно напомнить нашему читающему обществу о существовании одного из крупнейших русских писателей последнего — предреволюционного — периода истории русской литературы. Мы, разумеется, понимаем, что предприятие это — далеко не легкое, но верим, что *все же* попытаться уже можно. И сделать такую попытку *следует*: творчество Андрея Белого этого заслуживает.

И вот тут-то и возникла мысль: если так, то не следует ли начать с «Петербурга» — бесспорной вершины всего творчества Андрея Белого? Тем более, что существование двух редакций — полной и «сокращенной» — делает работу издателя этого произведения, и притом именно в духе нашей серии — в высшей степени интересной.

Издание мемуарного цикла требует объяснений, тут же, надеемся, особых объяснений не требуется. Поэтому, совершенно *не отказываясь* от мысли издания «Мемуаров», и именно в том виде, в котором Вы себе это представляете, мы решили предложить Вам *сначала* дать «Петербург». Как Вы к этому относитесь?

Будучи энтузиастом «Мемуаров», я все же понял, что мой энтузиазм исходит из моего личного опыта и личных литературоведческих вкусов: задача, предложенная Вами, — *литературоведчески нова*, и это меня прельстило. Но я понял своих коллег: над личным вкусом в нашем деле должна господствовать и издательская мудрость, которая в то же время есть и мудрость общественная. Поэтому я и присоединился к мнению моих коллег.

Теперь остановка за Вами. Согласитесь ли Вы взять на себя подготовку «Петербурга»? Если да, то пришлите нам предложение с некоторым пояснением существа подготовки текста и его вариантов. Мы обсудили бы это предложение в ближайшее же время.

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего.

Н. Конрад

Автограф.

Издательская заявка

Андрей Белый. Петербург.

Роман в восьми главах с прологом и эпилогом.

Подготовка текста, статья и комментарии Л.К. Долгополова,
отв. редактор проф. Д.Е. Максимов

Роман Андрея Белого (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) — одно из наиболее заметных явлений русской художественной прозы начала XX века. Написанный в 1911–1913 гг., он посвящен событиям первой русской революции. Действие в романе начинается в последний день сентября и заканчивается девятого октября 1905 года, в дни, когда началась знаменитая всеобщая

октябрьская забастовка. В числе действующих лиц романа — высокопоставленный царский сановник сенатор Аблеухов, террорист Дудкин, университетский приятель Дудкина и сын сенатора Аблеухова Николай Аполлонович. Значительное место в романе занимает также руководитель террористической организации Липпанченко, прототипом которого послужил известный провокатор Азеф. Через Липпанченко в действие романа вступает охранное отделение. Между всеми этими людьми устанавливаются сложные отношения, которые, по мысли Белого, и должны передать характер общественной ситуации, сложившейся в стране к концу 1905 года. Вместе с тем, решая проблему исторической судьбы России, Белый прибегает и к помощи Пушкина: широко вводит он в роман темы и образы поэмы «Медный всадник», с их помощью создавая свою историческую концепцию. Но он не «повторяет» Пушкина. В поле его зрения — Россия 1910-х годов, находящаяся в преддверии грандиозных социальных потрясений; отблеск их лежит на всех страницах романа «Петербург». Однако роман этот несколько сложен для восприятия современного читателя; в нем содержатся мотивы и отдельные образы, которые несут на себе следы субъективного восприятия Белым некоторых моментов русской истории. Не совсем обычен «Петербург» и по манере письма: он написан ритмизованной прозой, в чем сказался экспериментальный характер этого произведения. Но сила сатирического разоблачения правящих верхов Российской империи в «Петербурге» такова, что его можно поставить в один ряд с лучшими разоблачительными произведениями русской литературы. Романом, на котором лежит «отпечаток гениальности», считал «Петербург» Александр Блок. Роман расчитан на широкие круги филологов, а также людей, интересующихся русской литературой конца XIX — начала XX веков.

Машинопись (копия). Помета: Отдано Попугаевой [?] в ЛО изд. «Наука».

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
Ленинградскому отделению издательства «Наука»

30 декабря 1968

Копии: Д.Е. Максимова

Л.К. Долгополова

Редколлегия серии «Литературные памятники» АН СССР просит заключить договор на подготовку к изданию книги «Андрей Белый. Петербург» со следующими лицами:

1. Долгополов Леонид Константинович [...] кандидат филолог. наук — подготовка текста памятника (42 а.л.), составление примечаний (4,5 а.л.). Срок исполнения — май 1970 г.

2. Максимов Дмитрий Евгеньевич [...] доктор филол. наук, профессор — написание статьи (2,5 а.л.) и титульное редактирование книги (41,5 а.л.). Срок исполнения — август 1970 г.

Редколлегия считает целесообразным выплатить аванс. Издание предусмотрено перспективным планом. Проспект утвержден редколлегией.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Н.И. Конрад

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись (копия) на бланке; подписи — автограф. Опущены почтовые адреса.

14 марта 1969 г. Ленинградское отделение издательства «Наука» в лице директора Рыжакова Дмитрия Степановича и Долгополов Леонид Константинович заключили издательский договор № 1422 на издание книги «Андрей Белый. Петербург». Срок представления рукописи — 5 октября 1970 г. Расценки: составление примечаний — 120 рублей за авторский лист, подготовка текста — 40 рублей за авторский лист.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

20 марта 1970

Многоуважаемый Леонид Константинович

(эпитет запрограммирован Вами: мне лично, стихийно хотелось бы называть Вас менее официально...).

Простите, что не ответил Вам сразу: чувствую себя не бог весть как. По поводу своей статьи о «Петербурге» обрадовать Вас не могу. Я постепенно собираю для нее материалы, но писать скоро не начну: мешают другие насущные дела и весьма посредственное состояние здоровья. Предполагаю, что возьмусь за статью осенью, но, конечно, к октябрю ее не представлю, буду просить большой отсрочки. Впрочем обо всем этом я Вас предупреждал и, как Вы помните, заключил этот липовый безавансный договор прежде всего для того, чтобы заключили таковой с Вами.

Не буду в претензии, если Вы найдете другого автора статьи, способного дать более высокие темпы. Тогда напишу о «Петербурге» независимо от этого издания: для какого-нибудь журнала или ученых записок. Распорядитесь, как Вам лучше, — честное слово, не обижусь. Если же автором статьи останусь все же я, то мы с Вами можем еще раз встретиться и еще раз обсудить вопрос о размежевании. Но мне и сейчас представляется (как и тогда), что *главнейшее* Ваше дело: дать историю написания, изданий, произвести текстологическое исследование и привести наиболее интересные варианты. Для «*Петербурга*» это всё *абсолютно* необходимо и особенно для академ[ического] издания «*Петербурга*». Все остальное лишь надстройка. М.б. у Вас нет склонности к текстологии, но Вы сами понимаете, что в данном случае без нее не обойтись. К тому же текстологический уклон Вашей работы облегчит наше с Вами размежевание: в своей статье я посвящу этому вопросу не больше одной страни[цы].

Английский «Пет[ербург]г» (на русском языке) я могу Вам дать месяца на два — это мой рабочий экземпляр, и он мне летом потребуется.

Конечно, мне было бы приятней и интересней прочесть Вашу рецензию на мою книгу в большом объеме, а не сокращенном новомирском, но разумеется, и эта форма — лучше, чем ничего. Ведь Вы — один из очень немногих настоящих специалистов по символизму, и Ваше слово в этой области всегда интересно.

Кстати, мне предлагают сейчас (как предлагала Лит[ературная] энцикл[опедия]) общую трехлистовую статью о символизме для сборника ИМЛИ «Мировая литература на рубеже 19 и 20 веков». Отказываясь, я позволяю себе назвать Ваше имя как наиболее подходящего автора этой статьи.

Не пропадите на такие астрономические сроки и, пожалуйста, не болейте.

Ваш Д. Максимов

Простите за машинописный способ письма — руки.

Машинопись, подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — Д.В. Ознобишину

[1970]

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

На днях мы с Д.Е. Максимовым говорили о предстоящей совместной работе, связанной с переизданием в серии «Литературные памятники» романа А. Белого «Петербург». Беседа протекала в дружественной обстановке и в атмосфере приподнятости и энтузиазма. Был затронут и вопрос, непосредственно касающийся самой издательской техники этого дела. И вот тут у нас возникло одно небольшое пожелание, или даже просьба, с которой я и обращаюсь к Вам.

Исходя из ряда соображений, которыми я поделюсь с Вами при встрече, мы пришли к тому, что нам было бы удобнее иметь дело не с Ленинградским отделением издательства «Наука», а с самим этим издательством, с его, так сказать, центральными органами, находящимися в Москве. Дома работать всегда бывает труднее. Мы согласны бывать в необходимых случаях в Москве, мы обещаем незамедлительно реагировать на возможные вызовы и запросы. В конце концов, Москва не за горами, да и побывать там лишний раз приятно.

Нельзя ли сделать так, чтобы эта наша просьба была принята во внимание? То есть — чтобы мы и договор заключали в Москве, и отвезли туда готовую книгу, и чтобы она печаталась в Москве.

Я очень прошу Вас, Дмитрий Владимирович, переговорить с кем необходимо и постараться сделать так, чтобы просьба наша была удовлетворена. Нам кажется, что такой поворот дела значительно облегчил бы нашу работу.

Я буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы сообщите мне о результатах Ваших действий (или переговоров) по этому вопросу, для нас — немало важному. Даже если машина уже «запущена» — нельзя ли ее перезапустить?

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Датируется приблизительно по содержанию.

Л.К. Долгополов — Д.В. Ознобишину

24 января 1971

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

В октябре прошедшего, 19[70] года исполнился срок сдачи в издательство «Наука» рукописи романа Андрея Белого «Петербург», которая готовится мною вместе с проф. Д.Е. Максимовым. К нашему огорчению и большому сожалению, мы не только не смогли сдать рукопись в указанные сроки, но даже не готовы сделать это и сейчас.

Целый ряд обстоятельств — болезнь Д.Е. Максимова, мои осложнения с плановыми (служебными) обязательствами и переезд на новую квартиру — усложнил нашу и без того сложную жизнь и ограничил наши и без того ограниченные возможности. Все дело в том, что мне никак не удается вырваться в Москву на один-полтора месяца, не менее. Все к этой поездке у меня уже подготовлено, и я думаю, что нынешним летом я ее осуществлю.

И вот сейчас, от себя лично и по поручению Д.Е. Максимова, я обращаюсь к Вам с просьбой ввести нас в курс дела относительно того, каким образом и на какой максимально возможный срок мы могли бы просить у издательства отсрочки с представлением рукописи «Петербург». Я думаю, что если бы нам разрешили продлить срок подготовки этого романа на *полтора года* (и, следовательно, сдать рукопись в марте-апреле 19[72] года), мы могли бы вполне уложиться и уже этот срок не нарушили бы. Скажите, реально это? Или, может быть, больше года на продление срока не полагается? И на чье имя нужно адресовать заявление?

Меня все эти вопросы беспокоят потому, прежде всего, что я получил аванс в издательстве и чувствую перед ним свою моральную ответственность, тем более, что в переиздании «Петербурга» я сам заинтересован прежде всего.

Очень прошу Вас, дорогой Дмитрий Владимирович, откликнуться на это мое послание, чтобы мы знали, на что мы тут можем рассчитывать.

Мой новый адрес [...]

С искренним уважением, Ваш [Л. Долгополов]

Машинопись (копия).

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

17 января 1972

Дорогой Леонид Константинович!

Спасибо Вам за письмо. Мы с женой только что вернулись из Кисловодска.

Комментарии Ваши прочту с интересом: присылайте. Дмитрию Евгеньевичу позвоню, прочтя Ваши комментарии, чтобы в случае чего иметь контраргументацию. Если его статьи не будет (что возможно), то тужить нечего — напишете Вы.

Будьте во всем благополучны в Новом Году.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Автограф.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[16 февраля 1972]

Дорогой Леонид Константинович!

На заседании Президиума РИСО я провел «Петербург» в объеме 40 листов. Сдавать в издательство в конце 73 года. Но нужна статья — цит. Кого-то надо придумать помимо Д.Е. Максимова.

Д.Е. Максимова отнесите материалы — он уже обиделся, что Вы принесли мне «минуя его».

Ваши теории очень интересны и важны. Почему-то не нашел «Петербург» Анненского. Это очень важное стихотворение и продолжает панмонголистскую тему Соловьева («забава» для кого-то).

Простите за неряшливость, тороплюсь. Позвоните!

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по почтовому штемпелю.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

6 марта 1972

Многоуважаемый Леонид Константинович,

Еще до Вашего письма я ответил Дмитрию Сергеевичу, что согласен посмотреть Вашу работу по Белому, поскольку он на этом настаивает и если Вы продолжаете этого хотеть. Если мы с Вами разойдемся в каких-то коренных принципах издания (с этими принципами Вы меня не познакомили, и я их не знаю), то мое участие ограничится неофициальным отзывом. Если же мы с Вами найдем деловой и бесконфликтный язык, я готов, как это было вначале задумано, остаться так называемым «общим редактором» книги. Позвоните и принесите, когда Вам будет удобно, текст Вашей работы и иллюстрации, о которых Вы пишете.

Поскольку в Вашем письме Вы затрагиваете «историю вопроса», а история не безразлична для настоящего и будущего, я хочу сделать по этому вопросу некоторое разъяснение.

Я не считаю, что *моя* позиция по отношению к изданию Белого была шаткой. Прежде всего шатким было и остается само издание (не просто ученый секретарь [Д.В. Ознобишин] по собственной инициативе звонил мне и более или менее укрепил во мне эти мысли). Тем не менее эта объективная шаткость издания не внесла серьезных поправок в мою позицию: от издания Белого *сам по себе* я не отступал и не отступил бы, но приводящие обстоятельства, в том числе и Ваша позиция, заставили меня некоторые аспекты пересмотреть.

1. От статьи своей о «Петербурге» я не отказывался и не отказываюсь до сих пор, но я вынужден *отложить* ее представление до того времени, когда будет дописана и принята моя книга о Блоке. Вы опередили меня в работе и поэтому — само собой разумеется — я ни внешне, ни внутренне не буду возражать против замены меня как автора статьи другим автором. Если я буду жив (?) и здоров (?), я напишу такую статью о «Петербурге», хотя бы для другого издания (напр[имер], для Тарту). Непредвиденное мною заключение договора на книгу о Блоке — вот причина задержки с представлением статьи, а не моя «шаткость».

2. От редакции я также не думал отказываться до тех пор, пока, минуя меня, Вы не отдали своей работы Дм[итрию] Сергеевичу, т.е. фактически не исключили меня из естественной и установленной системы редактирования. Где же здесь *моя* «шаткость»?

На этом вопрос об истории, в основном, исчерпывается. Теперь, если хотите, попробуем поработать вместе.

С уважением Д. Максимов

Машинопись; подпись-автограф.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

10 марта [1972]

Дорогой Леонид Константинович,

Кажется, я должен Вас огорчить. Я решил отказаться от «Петербурга». Роль автора статьи о нем (в отличие от роли комментатора и редактора), по нынешним временам, — трагическая, чреватая бесконечными допечатными

мытарствами. Приспосабливать статью я не хочу. По-моему, нужен такой автор, как В. Перцов или кто-либо вроде. Пока не пишу об этом в Москву, т.к. в своем письме я мог бы выдвинуть имя моего заместителя, а это имя нужно согласовать с Вами. Подскажите, пожалуйста, что придет Вам на ум.

Жаль, что так получается, но иначе не выходит. Позвоните!

Ваш Д. Максимов

Автограф (открытка). Датируется по содержанию: оттиск почтового штемпеля неразборчив.

Д.Е. Максимов — Д.В. Ознобишину

20 апреля 1972

В Редакционную коллегию
серии «Литературные памятники»
Ученому секретарю Д.В. Ознобишину

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

Я получил выписку из протокола редколлегии «Памятников» по поводу моей статьи о «Петербурге» Белого. К сожалению, я должен сообщить в ответ, что представление мною этой статьи, от которой я не отказываюсь, значительно задерживается. Я смогу написать ее не ранее, чем через полтора-два года, когда закончу книгу о Блоке, к которой готовился долгие годы. Если такая задержка неприемлема для Редакционной коллегии (вполне это допускаю), то, конечно, возможная передача статьи другому автору с моей стороны никаких возражений не вызовет.

Д. Максимов

Машинопись (копия) с подписью-автографом и притиской от руки:

Леонид Константинович, посылаю Вам «для сведения» — чтобы была точность и не было «закулисных».

Д. Максимов

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

17 июля 1972

Дорогой Леонид Константинович!

Всё очень хорошо (Ваш план). «Петербург» включен в редакционный план 73 г. Сдавать рукопись надо не позднее декабря 72 года. Имейте это в виду. Если не успеет Д.Е. Максимов, сдадим со статьей Перцова, а Д.Е. попросим быть редактором.

Успехов и успехов.

Д.Е. доволен Вами.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Автограф (открытка).

Л.К. Долгополов — В.О. Перцову

17 апреля 1973

Многоуважаемый Виктор Осипович!

Вчера я был в издательстве «Наука» и с прискорбием узнал о том, что Вам до сих пор не выслано соглашение о статье для издания романа А. Белого

«Петербург» в серии «Литературные памятники». Это просто их халатность, тем более, что соответствующее указание от редакционной коллегии серии было получено ими в начале марта. Ради бога, простите!

Исходя из бумаги, полученной мной от Д.В. Ознобишина, я понял, что договоренность с Вами достигнута. Я чрезвычайно рад этому, может быть, наконец-то издание это сдвинется с места. Я просил Д.В. Ознобишина ознакомить Вас с содержанием моей статьи и комментариев. Не знаю, сделал ли он это. Я также просил его передать Вам на словах, что написанное мною о «Петербурге» ни в коей мере не может служить для Вас препятствием. Даже в том случае, если внезапно возникнут какие-то совпадения, я проведу редактуру своих разделов так, чтобы эти совпадения ликвидировать.

Любой аспект (или любая тема), избранные Вами для статьи, будут для всех нас интересны и поучительны — я знаю это, потому что мне известны Ваши прежние статьи, в том числе и те, в которых затрагивается роман А. Белого «Петербург».

Виктор Осипович! Издательство настаивает на как можно скорой сдаче рукописи. Они едва ли не в этом году намерены сдать том в производство. Мы с Д.Е. Максимовым (отв[етственным] редактором) обещали им положить рукопись на стол в мае-июне нынешнего года. Я спешно сейчас дописываю примечания, перепечатаваю все заново и надеюсь, что в мае мне удастся вручить том на окончательное заключение отв[етственному] редактору. Ему, в свою очередь, потребуются не менее месяца. В каком виде Ваша статья? Делается ли она? Из-за халатности работников нашего издательства никто из них ничего об этом не знает. В ближайшие дни они высылают Вам текст соглашения. Это ужасно, что они до сих пор Вам его не выслали, потому что, как я понимаю, это может задержать работу над статьей. Но теперь уже сомнений относительно издания никаких быть не может. «Петербург» прочно включен в план выпуска 1974 или 1975 года (они сами точно даты не определяют, потому что, очевидно, не знают, какое количество редакторской работы там предстоит проделать и успеют ли они с нею справиться, чтобы выпустить том в 1974 году). Но дело это решенное, прошедшее по всем инстанциям и ими всеми утвержденное.

Очень, просто *очень* прошу Вас, уважаемый Виктор Осипович, написать статью для «Петербурга» и так, чтобы она по возможности не очень бы запоздала к тем срокам, которые установились у нас с издательством. В отношении, высланном Вам Д.В. Ознобишиным, таким сроком указан июнь нынешнего года. Может быть, еще можно успеть к этому сроку?

Ради бога, извините меня за беспокойство!

С искренним и глубоким уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия).

Л.К. Долгополов — В.О. Перцову

29 апреля 1973

Многоуважаемый Виктор Осипович!

Если мое письмо показалось Вам тревожным, то Ваше письмо произвело на меня впечатление почти катастрофическое. Я был убежден, что договоренность с Вами достигнута давно и сполна и что статья Ваша не сегодня-завтра должна появиться в Ленинграде. А тут такое сообщение, от которого волосы

готовы стать дыбом! Три года я тащу на себе этот воз по переизданию «Петербурга», готовлю текст, строчу комментарии, потом пишу статью и внезапно узнаю, что люди, на обязанности которых — прямой обязанности! — находят вопросы организации этого дела, палец о палец не ударили за все эти три года. Поразительная безхозяйственность и безответственность. Есть от чего прийти в уныние.

Однако, во всем этом есть один положительный момент: я увидел, что издание наше не имеет хозяина. Даже не «персимфанс», а просто клубная сельская самодеятельность. Надо немедленно спасать дело, которое и без того затянулось. И Ваше участие в нем, лестное и крайне важное для меня лично, может оказаться решающим и с общей точки зрения.

С Вашего позволения, два слова из «истории вопроса». Статью писать для этого издания, осуществляя при этом общее редактирование, должен был Д.Е. Максимов. Однако, получив возможность написать книгу о Блоке (о чем он давно мечтал), Максимов отказался от статьи. Поскольку у меня к этому времени было написано о «Петербурге» около 15 листов, редколлегия предложила мне взять на себя написание статьи. Я согласился, и статья под заглавием «Литературные и исторические источники “Петербурга”» готова (примерно 3 листа). При этом выяснилось, что как статья, так и комментарии носят сравнительно частный характер, который (для такого издания, как «Петербург») должен быть подкреплён какими-то общими и, главное, *авторитетными* суждениями о романе в целом. То есть надо было просто, чтобы кто-то из очень авторитетных людей сказал бы, что Белый — не враг народа и не агент международного империализма и что его роман «Петербург», несмотря на некоторые, не совсем приемлемые нам стороны концепции, все же явление значительное и вполне заслуживающее переиздания в серии «Лит[ературные] памятники». Когда встал этот вопрос (а это было более года назад), я тут же назвал Ваше имя. Я действительно считаю Вас самым авторитетным исследователем по периоду рубежа веков, к тому же — что крайне важно — доброжелательно относящимся к Белому. Мое предложение было принято, поддержано Д.С. Лихачевым, и вот тогда-то Вы получили от него письмо. Я считал, что вопрос исчерпан, статья делается, и сам соответственно стал форсировать комментарии, тексты и статью.

Поэтому письмо Ваше было для меня полной неожиданностью. Я не знаю теперь, что делать, потому что в *шоне* издательство ожидает рукописи в полном объеме. Мы с Д.Е. Максимовым заверили их, что этот срок выдержим. Я, не разгибая спины, сижу над «Петербургом». Я устроил им скандал, когда узнал, что Вам еще не послан договор. *В пятницу, 27 апреля, он был Вам отправлен.* Нынче Вы уже должны были его получить.

Но, как это все ни печально, интересы дела требуют, чтобы был найден какой-то выход из положения. Виктор Осипович! Пусть Вас не коробит мой тон письма. Я с беспредельным уважением отношусь и к Вам, и к Вашей работе. По Вашему Маяковскому я сдавал экзамены в университете. Я прекрасно помню Вашу статью в «Вопросах литературы» об изучении литературы начала века, где говорится и об А. Белом. «Петербург» — дело моих последних трех-четырёх лет, наиболее для меня зрелых и важных. Я написал целую книгу об этом романе, перевернул все архивы, вскрыл подлинный смысл всей трилогии, истории ее создания и оформления содержания. И мне будет крайне обидно, если он не увидит света. А такая возможность вполне допустима. Нужно вызвать его, и без Вашей помощи мне одному этого не осилить.

Чем я конкретно могу быть полезен Вам? Через две-три недели я получу с машинки скомпанованный и отделанный справочный аппарат (приложения, статья и комментарии). Вместе с этим письмом я посылаю пока Вам примерное содержание книги, в том виде, в каком она мне мыслится; там все эти разделы имеют свои заглавия. Получив всё с машинки, я мог бы всю эту часть книги переправить Вам. Во-первых, я был бы крайне признателен Вам за любые замечания, которые у Вас всё это вызовет. Во-вторых, Вы просто ознакомились бы с общим состоянием «дела», «вопроса» — как хотите. Одним словом, с предполагаемым составом книги. Я думаю, что здесь нельзя упускать случая и надо постараться насытить ее как можно большим количеством материалов. Так я и поступал, тем более, что материал — *абсолютно* приемлемый и в ряде случаев просто первоклассный. Особенно хороши письма Белого, в которых он поносит Запад. Правда, он движется тут не в русле Маяковского, а в русле Толстого — Достоевского. Но это тоже хорошо: он не открывает, а завершает. Так я об этом и пишу.

Вопрос теперь в том, когда Вам наиболее удобно было бы получить эти материалы? То есть, когда реально у Вас нашлось бы время ознакомиться с ними? Через три недели я буду готов. Был бы чрезвычайно признателен Вам, если бы Вы сообщили мне, когда Вам удобней всего было бы получить эти материалы. Я переправлю Вам их в один момент.

Второе: чем реально Вы могли бы помочь мне (и Белому)? Поскольку Вы заняты сейчас Маяковским, здесь нужна политика. Она будет подкреплена делом, как я с удовольствием понял из Вашего письма, но пока на первый план надо выдвинуть политику. Прежде всего, как я понимаю, не надо вводить издательство в курс наших отношений и в распорядок Вашей работы. Ни к чему им знать, когда Вы будете заняты, а когда — свободны. Надо, чтобы они знали, что договор Вами получен, подписан, Вас удовлетворил и что над статьей Вы работаете. Как только статья будет завершена, Вы вышлете ее в адрес издательства. Вот и всё. В крайнем случае впоследствии можно будет сослаться на позднее получение Вами договора. Я же, основываясь на таком Вашем заявлении, буду требовать, чтобы рукопись у меня приняла *пока* без Вашей статьи и начали бы над нею работать. Она пролежит в издательстве, как это обычно у нас водится, не менее года. За это время всё можно будет успеть сделать: и статью написать, и мною написанное исправить (сократить, удлинить и т.д.), и вставить новые разделы, и изъять старые. Главное — заставить их сейчас официально принять рукопись. Между прочим, для меня это крайне важно и с денежной точки зрения. Второй год не работая в Пушкинском доме, я вынужден пробавляться временными заработками и гонорарами, причем, эти последние, как они ни скудны, составляют едва ли не главную статью дохода. Живу я трудно, поэтому получение положенных мне после сдачи рукописи в издательство 35% позволило бы мне некоторое время не думать о деньгах (небольшое, правда, но все-таки время), за которое я постарался бы пробить брешь еще в каком-нибудь издательстве. Для меня это тоже стимул, и я прошу Вас учесть и эту сторону дела. Если же они узнают, что дело с Вашей статьей затягивается, они могут на вполне законных основаниях повременить с принятием уже готовой части рукописи.

Вот, многоуважаемый Виктор Осипович, как обстоят дела с Белым. Единственное, на что я уповаю, это то, что если роман будет издан, незамеченным он не пройдет. Для меня это главное. Национальная культура есть

национальная культура, и если мы о ней не будем заботиться, то кто же станет это делать?

С искренним и глубоким уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия).

Соглашение

№ 2076 от 13 июня 1973 г.

В дополнение к договору № 1422 от 14.03.69 настоящее соглашение между ЛО издательства «Наука» и автором Л.К. Долгополовым составлено о следующем:

1) считать за Л.К. Долгополовым составление текстов в объеме 40 авт[орских] листов, написание вступительной статьи в объеме 3-х авт[орских] листов и написание комментариев в объеме 8-ми авторских листов;

2) в связи со сложностью материала вступительной статьи установить ее оплату в размере 275 руб. за авторский лист.

Директор ЛО издательства «Наука» Д. Рыжаков

Автор Л. Долгополов

Машинопись (копия); подписи-автографы, печать.

Л.К. Долгополов — Д.С. Лихачеву

6 июля 1973

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Только что я вернулся из Сестрорецка, где был у Д.Е. Максимова на даче. Я ездил туда по его приглашению для работы над «Петербургом». И я получил сегодня от Д.Е. твердый и окончательный отказ от участия в этом издании. Только что по настоянию Д.Е. я добился от издательства пересмотра наших договоров — в связи с новым распределением обязанностей (Д.Е. оставил за собой лишь редактирование книги, отдав мне написание статьи). И вот я получил такой сюрприз... Четыре года я убеждаю Д.Е. в том, что без него это издание состояться не может. За эти четыре года отношение Д.Е. ко мне приобрело вид своеобразной пытки: каждый раз, когда наступает новый период наших деловых (увы, говоря очень условно!) отношений, Д.Е. разыгрывает очередную «сцену отказа», и я умоляю его чуть ли не на коленях не делать этого, после чего Д.Е. выдвигает целый ряд условий, твердо оговариваясь, что только при соблюдении каждого из них он возьмет на себя редактирование книги. Я веду часовые (и даже более!) разговоры с Д.Е., убеждая его и уговаривая не оставлять этого дела, потому что и сам хорошо знаю, что более авторитетного специалиста, нежели Д.Е., у нас в Союзе по символизму и А. Белому нет. Я так устал от всего этого, что у меня стали иссякать силы. Сегодня я впервые, кажется, воздержался от уговариваний. Я был готов к этому окончательному отказу; зная немного Д.Е., я почти наверняка предполагал, что он все равно состоит. И у меня не остается иного выхода, кроме обращения к Вам с изложением обстоятельств дела.

Я не знаю, чем в действительности руководствовался Д.Е., принимая это губительное для А. Белого и для меня решение. Я знаю только аргументы. Ранее главным аргументом была книга о Блоке, над которой работает сейчас Д.Е. «У вас есть книга о Блоке, а у меня нет книги о Блоке», — сказал мне как-

то Д.Е. Я не придал тогда значения этой фразе, а вот сегодня она снова была повторена. Правда, не помешало же это Д.Е. прочитать все те 15 листов, что были мною написаны. Они были высоко оценены им, но при этом Д.Е. , естественно, потребовал сократить текст, прочнее приспособив его к типу издания, т.е. сделал его более комментарием. Я проделал всю эту работу, заново перепечатал весь свой текст и дал уже сейчас на окончательный просмотр Д.Е. За это время я выдержал еще две «сцены отказа», уговаривая каждый раз Д.Е. не давать хотя бы на время ходу «решению отказаться от редактирования». Книга о Блоке ему, конечно, важнее и дороже сейчас, чем «Петербург». (Фраза Д.Е., неоднократно говорившаяся им мне: «Пора подводить итоги». Я слышу ее от него уже лет пять.) Конечно, при таком положении особой заинтересованности у Д.Е. в «Петербурге» быть не может. Для меня же это — единственное дело сейчас в жизни. Вот эта разница в подходах, разница «психологических состояний» и дает о себе знать.

И сейчас в разговоре с Д.Е. о романе и типе издания снова всплывает вопрос о приложениях, характере комментариев, о том, каково *должно быть* содержание статьи и т.д. При этом мне прямо предписывается определенная схема, и Д.Е. совершенно не слушает меня, когда я говорю, что характер материала только и может создавать форму книги. Многое из того, что было сказано Д.Е. ранее и сказано в нынешнюю нашу «встречу», сполна учтено и еще будет учтено мною. Я ведь всегда внимательно выслушивал все замечания Д.Е., и он это прекрасно знает. Книга идет по линии *прямого улучшения*, совершенствования конструкции и т.д. Еще и поэтому столь решительный отказ Д.Е. огорчил меня. Слова Д.Е. : «Я не могу дать вам просто так свою подпись, я должен внимательно еще раз прочитать всю книгу, а на это у меня нет времени».

На реализацию нынешних замечаний Д.Е. у меня уйдет июль, в августе я все это перепечатаю еще раз, и в сентябре книга — на мой взгляд! — будет готова к сдаче в издательство. Бесконечные улучшения и совершенствования тоже, по-моему, ни к чему, улучшать можно вечно, но ведь надо же и издавать!

Я не знаю, будет ли принята «отставка» Д.Е. Я уже ничего тут поделывать не смогу. Когда Д.Е. говорит мне, что у меня есть книга о Блоке, а у него нет книги о Блоке («хотя — подразумевается — я имею на это больше оснований»), — я не знаю, что отвечать. Я просто теряюсь, потому что сама личность Д.Е. , как и уровень его знаний для меня несоизмеримы ни с какими книгами. Я передаю его решение на Ваш суд.

Было бы идеально, Дмитрий Сергеевич, если бы редактирование «Петербурга» взяли на себя Вы. Вы единственный человек, кто писал об этом романе в последние пятьдесят лет [так] (я эту Вашу статью с удовольствием привожу в комментариях), и кроме того Ваш авторитет сыграл бы свою роль в процессе продвижения книги по издательским каналам. По-моему, никаких препятствий «Петербургу» со стороны «сфер» сейчас не должно быть. Да и в комментариях я пишу о романе крайне осторожно. Мы упростили бы Д.Е. еще раз, после сдачи рукописи в издательство, посмотреть ее. Думаю, что он не отказал бы нам, тем более, что расставание наше сегодня имело в высшей степени джентльменский характер. Расстались мы, как Чичиков с Маниловым, хотя досада душила меня. По-моему, Д.Е. убивает мысль об обязанностях, ответственности, которую он берет на себя, официально числя себя редактором. Пусть не чис-

лит себя в этой должности, попросим его подойти к изданию с позиций доброжелательного, но строгого и авторитетного читателя. Мне кажется, что такая смена позиций вполне возможна в данном случае. Вы же читали мои комментарии, и, помнится, они в общем были приняты вами. К этому письму я прилагаю содержание книги (примерное оглавление) в том виде, в каком оно сложилось к настоящему времени. При этом мы с Д.Е. проработали несколько наиболее авторитетных изданий серии «Лит[ературные] памятники», учтя ее особенности. Не включена в оглавление статья Перцова-Мясникова, просто потому что, не зная ее характера и содержания, затрудняюсь в определении места, куда ее следовало бы поместить. Здесь дано только то, что подготовлено мною. Нет также «От редакции» (или «От редактора») — не знаю, будет ли. Если потребуется и появится такое, можно будет вставить позднее.

Таковы печальные дела с «Петербургом». Я понимаю, что такие издания, как «Петербург», не делаются быстро и безболезненно, но уход Д.Е. пронзил меня, что называется, в самое сердце.

Только что во 2-ом номере журн[ала] «Русская литература» напечатана моя статья о Бунине, в которой я с огромным удовольствием процитировал Ваше глубокое и в высшей степени справедливое суждение о Бунине из книги «Поэтика древнерусской литературы». Сейчас готовлю большую статью о «Жизни Арсеньева» (в духе напечатанной статьи), в которой постараюсь еще шире развернуть аргументацию о «чувстве историзма» у Бунина с еще большей опорой на Ваше суждение. К сожалению, до сих пор нет оттисков, и я не могу прислать Вам экземпляр.

С искренним и глубоким уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (первый экземпляр), без подписи.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[11 июля 1973]

Дорогой Леонид Константинович!

Одновременно с Вашим письмом я получил письмо от Дм.Евг. Он хвалит Вашу работу, не соглашается с типом комментария и решительно отказывается по тем же причинам, что выставил и Вам. Я написал ему письмо: предлагаю двойную редактуру — его (без дальнейшей (?) работы) и кого-либо по его указанию (кому он доверяет). Он предлагает единственного — Е.Б. Тагера.

Не думайте, что он такой в отношен[ии] Вас. Он такой же и в отношен[ии] себя: вечно откладывал, доделывал, сомневался и пр. За это его упрекал еще Владислав Евгеньевич⁵. Он говорил: «Дм.Евг. имеет гипертрофированное самолюбие. Он думает, что издавать следует только шедевры».

И мне тоже с ним трудно. Он мне никогда не звонит (мы с ним товарищи по курсу в ЛГУ), а когда позвоню я ему, то жалуется: «Вы меня совсем забыли, загордились, мешает академическое звание» и пр. Когда я ему говорю, что звоню только я ему, а он мне — никогда, он бурчит (шутливо, но и серьезно): «Я что, я ничтожество! Это Вы облечены званиями» и т.д. Беда! Поэтому Вы не обижайтесь. Черта характера...

С Комитетом по делам печати, кажется, Ознобишин договорился, но еще письма от него не получил. Поэтому не решаюсь утверждать, что подходящая погода пришла. Ждать осталось недолго. *А кого Вы предлагаете в редакторы?*

⁵ В.Е. Евгеньев-Максимов (1883–1955), старший брат Д.Е. Максимова. — В.М.

Я — это не серьезно. Это только вызовет разговоры и разорвет мою дружбу (странную) с Дм.Евг.

Будьте здоровы.

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по почтовому штемпелю.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[20 июля 1973]

Дорогой Леонид Константинович!

Д.Е. Максимов остается вторым редактором. За него все доделает, за неделю до рецензирования — Дикман. Ее привлечем редактором. Опытный редактор нужен. Без этого нельзя. А формальный редактор не нужен. Мясникова просим дать статью. В течение [7]4 г. «Петербург» выйдет и возражения [комитета] по [печати] кончатся. Пишу в поезде — поэтому неряшливо.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Дм.Евг., повидимому, действ[ительно] трудно (психологически).

Автограф (открытка). Датируется по почтовому штемпелю.

Д.С. Лихачев — в Центральный комитет КПСС

27 июля 1973

В Центральный комитет КПСС

Игорю Сергеевичу Черноуцану

Многоуважаемый Игорь Сергеевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь редколлегии [серии] «Литературные памятники» напечатать роман А. Белого «Петербург».

К «Петербургу» привлечено сейчас внимание многих литературоведов за рубежами нашей страны. Роман за последние 10 лет выпущен на всех европейских языках (включая скандинавские, финский и пр.). Переводы сделаны по очень неточным изданиям, и сам роман неправильно (и тенденциозно) интерпретируется.

К сожалению, у нас очень мало специалистов, работающих по Белому. У буржуазных литературоведов создается даже впечатление, что Белым у нас никто вообще не занимается. Зарубежные литературоведы приезжают к нам и настойчиво пытаются заниматься Белым, его архивными материалами. Рано или поздно им удастся получить и опубликовать по частям всё, что у нас хранится. Публикация материалов по Белому приняла уже в США, Англии и пр. странах достаточно широкий размах.

В связи с этим редколлегия «Литературных памятников» приняла решение выпустить полное и тщательное научное издание «Петербурга» и опубликовать к нему большие статьи, комментарии и некоторые важные архивные материалы, которые позволили бы установить на роман марксистскую, советскую точку зрения.

По представлению редколлегии в марте 1969 г. Ленинградским отделением издательства «Наука» был заключен договор с к.ф.н. Л.К. Долгополовым на издание «Петербурга». Издание включено в печатные проспекты нашей серии. Редактором издания и автором статьи был утвержден проф. Д.Е. Максимов. Впоследствии Д.Е. Максимов от статьи отказался, и она была поручена Л.К. Долгополову. Предполагается также вступительная статья А.С. Мясникова.

Подготовка к печати этого сложного произведения, не имеющего единой и авторитетной редакции, затянулась. Л.К. Долгополовым была проведена большая исследовательская работа по установлению истории создания «Петербурга», представлявшегося А. Белому второй частью обширной романтической трилогии. Прделана большая исследовательская работа по выявлению реального идейного содержания романа, которое складывалось в 1910-е годы под непосредственным воздействием ожидания надвигающихся на Россию исторических преобразований. А. Белый отдавал себе отчет в их характере, но воспринимал их, разумеется, в очень своеобразной форме. В подготовленном издании установлена наша, советская точка зрения и на «Петербург», и на характер духовной эволюции Белого в 1910-е годы. Мы получили тем самым реальную возможность, подкрепленную многими неизданными материалами, воспрепятствовать распространению ненаучных домыслов и измышлений, в достаточной широкой мере бытующих как в мемуарах русских эмигрантов, так и в статьях буржуазных литературоведов.

При этом мы печатаем не последнюю, а первую печатную редакцию «Петербурга». Здесь дан наиболее полный, признанный исследователями классический текст романа. После 1914 г. Белый начал «переписывать» свою творческую биографию заново — заново переписал ранние стихотворные сборники, сильно сократил (допустив смысловые изъяны) «Петербург». К выводу о необходимости печатать не последнюю, а первую опубликованную редакцию «Петербурга» пришла при обсуждении этого вопроса и редакционная коллегия серии «Литературные памятники» в своем заседании 9 декабря 1967 года под председательством покойного акад. Н.И. Конрада. Вообще редколлегия много занималась этим изданием. Члены редколлегии читали все представляемые Л.К. Долгополовым материалы. Мы не просто давно числили «Петербург» в своих планах — мы *работали* над этим изданием.

И вот теперь, когда работа по подготовке издания закончена и рукопись представлена Л.К. Долгополовым, Комитет по делам печати дает распоряжение «Петербург» Белого в серии «Литературные памятники» не печатать, а печатать «Петербург» в издательстве «Художественная литература», занятом в основном массовыми изданиями, для которых «Петербург» не годится. Распоряжение это нами было оспорено — 5 июля 1973 г. мой заместитель член-корреспондент АН СССР А.М. Самсонов и ученый секретарь редколлегии д.и.н. Д.В. Ознобишин были приняты Б.И. Стукалиным, который после беседы устно отменил распоряжение и «вернул» «Петербург» в издательство «Наука». Однако через полторы недели последовало новое распоряжение передать «Петербург» издательству «Художественная литература». При этом ни я, ни автор подготовленного труда Л.К. Долгополов не были поставлены в известность о таком решении. Просто директор ЛО издательства «Наука» позвонил Л.К. Долгополову и в директивной форме предложил представить рукопись труда для передачи ее представителю издательства «Художественная литература», минуя редколлегию «Лит[ературных] памятников». 24 июля в помещении ЛО издательства «Наука» состоялась встреча Л.К. Долгополова с представителем издательства «Художественная литература» и дирекцией ЛО «Науки». Я на эту встречу приглашен опять-таки не был. Представитель ИХЛа в присутствии дирекции ЛО издательства «Наука» потребовал от Л.К. Долгополова рукопись с тем, чтобы решить вопрос о том, насколько она пригодна для частичного использования в ИХЛе (разумеется, о полном научном издании со

всеми комментариями, вариантами и дополнениями речи быть не может: тем самым ослабляется вся идеологическая сторона издания).

Произошло что-то странное и не совсем обыкновенное. Подготовлено академическое издание романа А. Белого, с использованием большого числа рукописных материалов и обширным комментарием, в котором затронут круг главных вопросов, связанных с истолкованием «Петербурга», — и вдруг это издание отклоняется издательством, по заказу которого оно и было подготовлено! К тому же отклоняется без всяких мотивировок, без консультации со специалистами, без учета того, что именно это издание рекомендуется к печати ученой редколлегией серии «Литературные памятники», вложившей в издание свой труд.

Как выяснил Л.К. Долгополов из беседы с представителем ИХЛа, в последнем даже не решен вопрос о том, какую редакцию «Петербурга» следует издавать и кто будет готовить издание. У нас же рукопись готова к сдаче в производство. Наше издание явилось бы первым научным изданием этого романа. Мы могли бы издать его только для специалистов, так как в массовом издании «Петербург», по нашему мнению, не нуждается. Тем не менее наше малотиражное издание сыграло бы большую роль в правильной интерпретации этого памятника у нас и за рубежом, свидетельствовало бы о том, что советская наука занимается Белым. Массовое издание в ИХЛе такого значения не имело бы.

Обращаясь к Вам с просьбой от имени всей редколлегии [серии] «Литературные памятники» восстановить «Петербург» в планах издательства «Наука», а не ГИХЛа, я хотел бы еще сказать Вам, что хотел бы осенью встретиться с Вами относительно всех изданий нашей серии. В планы нашей серии вмешивается большое число различных организаций, не всегда считаясь с нашими замыслами, с нашей аргументацией, с научной стороной вопросов. Мне надо было бы показать и объяснить Вам наши планы, посоветоваться с Вами, просить на них Вашей санкции.

С искренним уважением, председатель редколлегии ЛП
Академик Д.С. Лихачев

Машинопись (копия); подпись-автограф. Игорь Сергеевич Черноуцан (1918–1990), в то время заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Постановление редакционной коллегии серии «Литературные памятники» АН СССР

26 ноября 1973

Утверждение представленных к печати рукописей.

Андрей Белый. Петербург. Издание подготовил Л.К. Долгополов. 49 а.л.

Одобрить и утвердить работу Л.К. Долгополова. Просить издательство ускорить заключение договоров с А.С. Мясниковым и М.И. Дикман по сделанным представлениям.

Председатель редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР
Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подписи-автографы.

В.А. Косолапов — Л.К. Долгополову

4 декабря 1973

Уважаемый Леонид Константинович!

Письмо Ваше получил. Думаю, что надо подождать выхода в свет «Петербург», внимательно ознакомиться с сопровождающим роман научным аппаратом и тогда уже решать, что целесообразнее: давать ли в связи с переизданием романа Андрея Белого специальную статью, или ограничиться рецензией.

С уважением В. Косолапов

Автограф. На бланке главного редактора журнала «Новый мир». Валерий Алексеевич Косолапов (1910–1982), главный редактор «Нового мира» (1970–1974).

Т.Г. Цявловская — Л.К. Долгополову

3 декабря 1973

Дорогой Леонид Константинович!

После того как Вы мне сообщили, что вопрос об иллюстрациях к «Петербургу» будет решать Д.С. Лихачев, я написала ему. Посылаю Вам копию этого письма и продолжаю надеяться, что и Вы посмотрите эти чудесные работы и скажете свое слово. Уверена, что Вы будете очарованы их артистизмом. Д.В. Ознобишин, посмотрев иллюстрации, говорил дочери Антонины Федоровны Софроновой, что, когда Вы придете в Москву, то он поедет с Вами к ней. Ее «координаты» спишите, пожалуйста, из письма к Д.С. Лихачеву.

Ваше письмо с новым адресом затерялось под археологическими наслоениями у меня на столе. Поэтому простите, если мне придется опять отправить его по старому, пушкинодомскому адресу. Нашла!

Желаю Вам всего самого лучшего.

Т. Цявловская

Машинопись; подпись — автограф. Копия письма Т.Г. Цявловской Д.С. Лихачеву в архиве не сохранилась.

И.А. Евстафьева — Л.К. Долгополову

24 января 1974 года

Многоуважаемый Леонид Константинович!

Письмо мое по поводу иллюстраций к роману А. Белого «Петербург», выполненных в 1947 году моей матерью, художницей Антониной Федоровной Софроновой.

Много раз я собиралась Вам писать, но и столько же раз откладывала. Я не знаю, что надо сказать, как надо написать Вам, чтобы слова мои приобрели в Ваших глазах не простое, естественное желание родной дочери, чтобы иллюстрации ее матери-художницы были напечатаны. Какими словами убедить Вас, что в данном случае есть более глубокая необходимость подойти к этому вопросу.

Основное чувство, которое движет мною и теми, кто видит эти иллюстрации, — чувство необходимости, чтобы они были достоянием общества, а не лежали в папках. Мы знаем не так уж много примеров, когда в иллюстрациях раскрытие образов литературного произведения дается художником с такой же

силой, как и писателем. В данном случае это то редкое сочетание творчества писателя и творчества художника. Антонина Федоровна иллюстрировала этот роман не для заказа, а повинувшись своему творческому вдохновению.

В 1962 году в Центр[альном] Доме Литераторов состоялась персональная выставка А.Ф. Софроновой (при ее жизни, она скончалась в 1966 г.). Часть этих иллюстраций там выставлялась, и в книге отзывов было немало высказываний в их пользу.

Для характеристики творчества А.Ф. Софроновой добавлю, что она еще иллюстрировала Блока (тоже не для заказа), и ее «Незнакомка» получила «путевку в жизнь» и была воспроизведена в книге А. Туркова «Александр Блок» в серии «Жизнь замечательных людей» и в «[Краткой] Литературной энциклопедии» — на листе иллюстраций к слову «символизм».

Напечатанный роман А. Белого «Петербург» с иллюстрациями А. Софроновой будет замечательным подарком советскому читателю и новым вкладом в культурную жизнь нашей страны. Я смело об этом говорю, потому что убеждена в этом сама, и я не единственная так думаю.

Татьяна Григорьевна [Цявловская], наверно, Вам написала, как тепло отнеслись к этим рисункам в изд[ательст]ве «Наука», когда я носила их для показа — и в редакции, и в художеств[енном] совете (который как раз тогда состоялся), на котором в общих чертах обсудили техническую возможность их напечатания.

Я очень прошу Вас, Леонид Константинович, когда Вы будете в Москве, выделить время, чтобы посмотреть иллюстрации и попытаться найти возможность как-то пересмотреть решение издательства в вопросе печатания иллюстраций в серии «Литературные памятники».

Если решите их посмотреть, то по телефону условимся, когда и где устроить встречу с показом рисунков.

С уважением И. Евстафьева

Автограф. Иллюстрации А.Ф. Софроновой (1892–1966) в издание «Петербурга» в серии «Литературные памятники» не вошли.

А.С. Мясников — Л.К. Долгополову

9 июля 1974

Уважаемый Леонид Константинович!

Я все еще болен, меня не пускают на работу и запрещают много читать. Вашу работу по Белому я прочел всю, кроме последнего раздела — примечаний, которые нужно читать параллельно с текстом романа, чего в данное время я сделать не в состоянии.

Работа Ваша произвела на меня отрадное впечатление. Мне думается, что она поможет современному читателю понять значение одного из сложнейших романов русской литературы, фактически незнакомого нашему современнику. С убедительной полнотой Вы рассказали о сложной истории создания этого романа, о его различных редакциях. Вами проведена большая текстологическая работа, требующая большого времени и необыкновенной тщательности. Вы привлекли большой архивный материал, впервые давая читателю возможность познакомиться с многочисленными письмами и другими документами, имеющими важное значение не только для понимания романа Белого, но и духовного климата тех далеких от нас лет. Особую Вашу заслугу я вижу в том,

что Вы сопоставили роман Белого с другими произведениями писателя и особенно с его философскими, социологическими и эстетическими концепциями. Все это позволяет мне вместе с Вами порадоваться Вашему успеху.

Однако, в Вашей работе я вижу и некоторые недостатки, которые, как мне кажется, могут быть устранены еще до сдачи ее в печать.

Прежде всего, нужно провести серьезную редакторскую работу, отчасти уже начатую, судя по карандашным пометкам, сделанным в читанном мной экземпляре. В работе встречаются повторения, иногда дословные, дважды и даже трижды приведены одни и те же цитаты. Можно сократить перечень сюжетов произведений Белого, непосредственно «не работающих» на разбираемую проблему. Некоторые части можно перенести в примечания.

Когда Вы пишете о том, что Белый опирался на ту или иную философскую систему западных мыслителей, хотелось бы, чтобы было более четко отмечено, какая сторона этой системы волновала Белого, что он в ней не принимал, какие проблемы решал самостоятельно. Вероятно, при рассуждении о стихийных и организующих началах, которые так волновали Белого, стоило бы вспомнить более обстоятельно о дионисийском и аполлоновском началах из Ницше, которые были очень популярны в конце XIX — начале XX века.

Особое место в духовной эволюции Белого занимал Штейнер. Вы об этом говорите очень сжато, суммарно. Что привлекало Белого у Штейнера, почему он отошел от него, как это повлияло на роман Белого.

Во многих местах работы Вы говорите о новых стилистических исканиях Белого, но очень мало показываете их особенности, отразившиеся в тексте романа.

Некоторые Ваши суждения мне показались излишне категоричными, например, размышления о «великих переменах», которые Белый относил то ли к 1914 году, то ли к 1954-ому.

Мне показался не очень аргументированным тезис о том, что Белый — последний певец Петербурга и первый историк петербургского периода.

Не очень прояснена проблема рассказчика в романе Белого.

Сопоставление романа Белого с поэмой Блока очень интересно, но может быть углублено для доказательства уместности такого сравнения.

Проблема провокации не очень удачно сопоставлена с вершинами героизма. Это лучше снять.

Хотелось бы более четко сказать о тех «сверисторических силах», о которых рассуждают герои романа.

Посмотрите еще раз, в какой мере фраза Гоголя «вдруг стало видимо во все концы света» ощущается в привлеченных Вами цитатах из романа Белого.

Какое отношение к роману Белого имеет приведенное Вами высказывание Витте о русской армии?

Ваши наблюдения над тем, как Белый в своем романе извращал реальную топографию Петербурга, очень интересны. Однако вывод о том, что Белый занимался топографической контаминацией, недостаточно объяснен.

Вот, уважаемый Леонид Константинович, те замечания, которые у меня возникли при чтении Вашей содержательной и, на мой взгляд, очень нужной работы. Может быть, Вы сочтете возможным использовать некоторые из них при окончательной подготовке рукописи к печати.

Искренне желаю Вам успеха и всего, всего самого доброго.

Крепко жму руку Мясников

P.S. Рукопись Вашу, как мы договорились, буду пересылать Вам частями по почте. Примечания, если разрешите, задержу. А.М.

Автограф. На обороте последнего листа записи Л.К. Долгополова:

1. О повторениях — объяснить.
 2. О дополнениях (Штейнер, Ницше) — дать.
 3. Прояснить некот[орые] места.
 4. О посл[еднем] разделе — Петерб[ург] «П[етербург]га» — хотел дать в Изв[естия] ОЛЯ —?
 5. Статья Мясникова — как быть? когда?
- Проблема «внутр[енней] топографии». 2 города — реаль[ный] и город (на этом запись обрывается. — В.М.).

Л.К. Долгополов — Д.С. Лихачеву

3 августа 1974

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я получил на днях от А.С. Мясникова материалы по «Петербургу», которые — помните — я отвезил в Москву для ознакомления. Он хорошо и доброжелательно отозвался о моей работе, хотя сделал несколько замечаний делового характера.

Но он сказал одну не очень радостную вещь, а именно: в связи со своей болезнью он сможет написать статью не ранее ноября–декабря. Правда, он загорелся этим делом, стал даже придумывать тему себе для статьи и т.д. Но нам придется еще ждать. В Гослитиздате «Петербург» ни с места, они даже перенесли его из плана выпуска 1974 г. на 1975 г. Но и за 75 г. ручаться не могут — нет автора статьи (он непременно должен быть согласован с ЦК, они провели зимой А.С. Мясникова без его ведома, но он, узнав об этом, категорически отказался, потому что уже пишет для нас). Я и подумал, что мы, оказавшись во всеоружии, смогли бы начать продвигать наш «Петербург», мотивируя тем, что они еще не готовы, а мы уже готовы. Но вот из-за статьи пока этот план придется отложить.

А.С. Мясников предложил мне в процессе ознакомления с моими комментариями сделать на этой основе какую-нибудь публикацию для «Известий ОЛЯ». Я выбрал самый нейтральный раздел — «Образ города в романе А. Белого (Петербург “Петербургга”)» — согласовал свой выбор с А.С. Мясниковым, довел раздел до 28 страниц и отправил на адрес «Известий ОЛЯ», на имя Д.Д. Благого. Очевидно, осенью будут рассматриваться планы, выплывет и моя статья, и я прошу вас замолвить два слова (я помню, что и Вам, и Д.Е. Максиму этот раздел понравился).

Забыл я Вам сказать при встрече, что я был у Е.И. Володиной, говорил с нею по Вашему совету относительно книги. Выяснилось, что из рубежа веков реален только Блок: Бунина они уже издавали, все остальное под вопросом. Дважды мы встречались и мило разговаривали. Я послал ей заявку на книгу: «Александр Блок. Личность и творчество». Восемь листов на эту тему мне было бы написать и интересно, и нетрудно. Здесь тоже, очевидно, осенью будут обсуждаться планы издательства. Для меня эта книга могла бы оказаться серьезным подспорьем. Что касается статьи о Бунине, то она взята «Вопросами литературы» и, как я полагаю, пойдет там в первой половине будущего года (в ней — большие ссылки на материалы, публикуемые М. Грин, я их все хорошо

знаю; кстати, я понял, почему именно она оказалась наследницей бунинского архива, расскажу Вам после). У меня же внезапно стала получаться добротная диссертация с тремя героями — А. Блок (лирический герой и преобразование поэзии), А. Белый (проблема традиций на материале «Петербурга») и И. Бунин (как «Судьба Бунина», т.е. личность писателя и литературный процесс на рубеже веков). Немного похоже на солянку сборную, но зато за питательность могу поручиться. Где-нибудь зимой пойду разговаривать с Базановым. Не испугает ли его заглавие — «Личность писателя, герой литературы и литературный процесс»? Вообще допустимы ли в докторских диссертациях такого рода привольные заглавия? Правда, будет подзаголовок, но сама по себе неопределенность заглавия?

Простите, Дмитрий Сергеевич, что я отнимаю у вас время. 10 августа я уезжаю до конца сентября на юг, вот я и хотел поставить Вас в известность до отъезда.

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Е.И. Володина — редактор ЛО издательства «Наука».

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

25 ноября 1974

О подготовке запланированных изданий.

Андрей Белый. Петербург.

Просить издательство «Художественная литература» ускорить решение вопросов, связанных с изданием последней редакции романа. Просить А.С. Мясникова представить статью к марту 1975 г.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

20 мая 1975

Материал к проекту плана редакционной подготовки на 1976 год.

Просить РИСО АН СССР включить в план редакционной подготовки на 1976 год следующие издания:

Наименование памятника: Андрей Белый. Петербург.

Отв[етственный] редактор: Д.С. Лихачев

Объем а.л.: 49

Срок предст[авления] в издательст[во]: сентябрь 1975 г.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
А.С. Мясникову

1 июля 1975 г.

Копии: Д.С. Лихачеву
Л.К. Долгополову

Редколлегия просит Вас представить статью для книги «Андрей Белый. Петербург» 1 сентября 1975 г.

Ученый секретарь редколлегии серии
«Литературные памятники» АН СССР
Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — директору ЛО издательства «Наука»

11 ноября 1975

Директору Ленинградского отделения
издательства «Наука» С.Н. Чепурову
Долгополова Леонида Константиновича

Заявление

В ноябре 1973 года мною в соответствии с договором сдана в издательство рукопись книги «Андрей Белый. Петербург». Книга должна была быть издана в серии «Литературные памятники». В декабре того же года рукопись была отправлена на рецензию и, насколько мне известно, получена положительная рецензия проф. Н. Скатова.

Никаких редакционных заключений или предложений от издательства я за прошедшее время не получал, из чего можно заключить, что никаких возражений со стороны издательства рукопись не вызвала.

Однако по неизвестным мне причинам книга до сих пор не издана, хотя в библиографическом «Справочнике» «Литературные памятники» она значится в разделе «Готовящиеся издания» (справочник издан в 1973 году).

В марте 1974 г. по моему заявлению мне был перечислен гонорар в размере 50% договорной суммы, а в июне 1975 г. еще в размере 10%.

В связи с тем, что работа мною выполнена полностью, а срок издания книги истек, ПРОШУ выплатить мне оставшиеся 40% общей договорной суммы.

Л.К. Долгополов,
кандидат филологических наук

Машинопись (копия); подпись-автограф. В архиве сохранились подготовительные заметки к заявлению. Сергей Николаевич Чепуров (1927–1995), директор Ленинградского отделения издательства «Наука».

ЛО издательства «Наука» — Л.К. Долгополову

14 ноября 1975

Уважаемый Леонид Константинович!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что в соответствии с пунктом 12 типового издательского договора на произведения политической, научной и другой литературы, утвержденным приказом Председателя Комитета по печати

при Совете Министров СССР № 169 от 10 апреля 1967 г. Издательство обязано издать рукопись Вашей книги «Андрей Белый. Петербург» не позднее двух лет со дня одобрения произведения.

Исходя из пункта 8 данного договора днем одобрения Вашей рукописи издательством является 4 июля 1974 г.

Таким образом, Ваша просьба о выплате оставшихся 40% гонорара преждевременна, поскольку срок издания Вашего произведения истекает 4 июля 1976 года.

Директор С.Н. Чепуров

Машинопись (на бланке); подпись — автограф.

ЛО издательства «Наука» — Л.К. Долгополову

8 июня 1976

Уважаемый Леонид Константинович!

ЛО издательства «Наука», к сожалению, не может своевременно издать Вашу рукопись «Андрей Белый. Петербург», так как этот роман печатается в издательстве «Художественная литература».

В настоящее время вопрос об издании Вашей рукописи в издательстве «Наука» решается в вышестоящих инстанциях. Учитывая, что срок издания истекает 04.07.76, издательство предлагает Вам пролонгировать договор № 1422 от 14.03.69 с зачетом выплаченных Вам 60% гонорара.

Просим, по возможности срочно, известить Издательство о Вашем согласии.

Директор С.Н. Чепуров

Юрисконсульт Т.И. Дерябина

Машинопись (на бланке); подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — директору издательства «Наука»

22 июля 1976

Директору издательства «Наука»

Г.Д. Комкову

Многоуважаемый Геннадий Данилович!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне разрешить спорный вопрос, неожиданно возникший между мною и ЛО издательства «Наука». Вопрос этот связан с несостоявшимся изданием романа А. Белого «Петербург», который должен был выйти в серии «Литературные памятники». 14 марта 1969 г. ЛО издательства «Наука» заключило со мной договор (№ 1422), согласно которому я брал на себя обязательство подготовить текст романа, составить примечания и написать статью.

Все условия договора я выполнил. Рукопись была сдана в издательство 1 декабря 1973 года. Никаких письменных отказов от издательства или каких-либо заключений, касающихся состава и содержания рукописи, за все истекшее время я не получил. Рукопись моя была тем самым одобрена. Это подтвердилось и тем, что мне безукоснительно перечислили 60% гонорара.

По истечении двух лет со дня сдачи рукописи я обратился в издательство с просьбой выплатить мне оставшиеся 40% суммы гонорара. В ответ я получил

официальное извещение за подписью Сергея Николаевича Чепурова, в котором говорилось, что днем одобрения моей рукописи является 4 июля 1974 г. и, следовательно, «срок издания истекает 4 июля 1976 г.» Я принял это к сведению. Однако, явившись в издательство после 4 июля, я был крайне недоброжелательно встречен главным редактором А.А. Фроловым, который, сославшись на то, что книга не была выпущена по независящим от издательства причинам, отказал в выплате причитающихся мне 40% гонорара. Затем С.Н. Чепуров подтвердил отказ А.А. Фролова, обещая выплатить деньги после предполагаемого выхода книги в свет. Но Вы, конечно, в курсе дела и знаете, что тут имеются свои сложности, которые не зависят ни от меня, ни от издательства.

Я не специалист по авторскому праву и поэтому обращаюсь к Вам с просьбой разобраться в моем вопросе. Мне очень не хотелось бы обращаться в судебные инстанции, и поэтому я прошу Вас, в случае, если Вы найдете мою просьбу обоснованной, дать указание ЛО издательства «Наука» выплатить мне оставшуюся сумму гонорара.

По ряду обстоятельств я нигде не служу, я член профессиональной группы писателей при ЛО Литфонда СССР. Гонорары, получаемые мною от издательства, составляют главный (и единственный) источник моего существования.

С искренним уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия); подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — П.А. Зайончковскому

Многоуважаемый Петр Андреевич!

Прежде всего прошу извинить меня за то, что обращаюсь к Вам, не будучи лично с Вами знакомым. Извинением мне, однако, может послужить значение для меня той чрезвычайно важной справки, которую, как я полагаю, кроме как от Вас, мне не от кого больше получить.

В течение нескольких лет я занимаюсь изучением романа А. Белого «Петербург» и даже подготовил его для переиздания в серии «Литературные памятники». Правда, издание это затянулось — но уже по независящим от меня причинам. Если Вас это заинтересует, я могу сообщить Вам подробности в более детальном изложении. Одной из главных фигур романа является, как известно, сенатор Аблеухов, одним из прототипов которого, в свою очередь, был К.П. Победоносцев. Причем, биография Аблеухова прямо списана с биографии Победоносцева, только все отнесено примерно на десять лет вперед. Рядом с сенатором выведен его сын Николай Аполлонович, также центральная фигура романа. В его облике настойчиво подчеркивается Белым сочетание красоты и уродства, причем, последнее преобладает и имеет не только внешний характер, но и характер внутренний, скрытый в душевной организации. Уродство сына Аблеухова — вещь для меня очень важная. Здесь мы имеем дело с большим символическим обобщением, касающимся людей целой исторической эпохи. Из повести С. Голубова «День Константина Петровича» (М., 1941) явствует, что и у Победоносцева был сын и что он тоже был урод — нечто вроде сына Василия Фивейского у Леонида Андреева («Жизнь Василия Фивейского»). Причем, уродство в данном случае — абсолютное: он и полный идиот, и физически совершенно немощен, лежит все время чуть ли не в гамаке.

К моему великому сожалению, я нигде не смог найти бытовой биографии Победоносцева, чтобы проверить Голубова. Кстати, и отношения Победонос-

цева с женой, описанные Голубовым, вполне проэцируются на семейные отношения сенатора Аблеухова. Очевидно, если Голубов не сочиняет, все эти вещи были хорошо известны в обществе и вполне могли послужить Белому моделью. Но так ли это? То есть — действительно был ли у Победоносцева сын и был ли этот сын уродом? Так ли сложились семейные отношения обер-прокурора, как они описаны Голубовым?

Вот, собственно, два вопроса, ответ на которые помог бы мне в работе над «Петербургом». И я был бы крайне признателен Вам, если бы Вы нашли время что-нибудь сообщить мне по этому поводу. Кстати, замечу в скобках, повесть Голубова написана под сильным и очень заметным влиянием А. Белого именно как автора романа «Петербург».

Я хорошо знаю Ваши работы, постоянно пользуюсь ими, поэтому и обращение мое именно к Вам не должно Вас удивить.

Ради Бога, простите за беспокойство!

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Приблизительно датируется между 1975 (выход т. 20 «Большой советской энциклопедии» со статьей П.А. Зайончковского о Победоносцеве) и 1977 гг. (изменение домашнего адреса автора).

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

3 марта 1978

Текущие вопросы.

О постановке научных докладов на заседаниях Редколлегии. (Предложение Д.С. Лихачева)

Ставить 1–2 научных доклада в год. Просить Н.В. Измайлова сделать доклад в Ленинграде о текстологических вопросах подготовки к изданию «Медного всадника» Пушкина. Просить Л.К. Долгополова сделать доклад в Москве о текстологических вопросах подготовки к изданию «Петербурга» Андрея Белого. Приглашать на заседания специалистов.

Зам. Председателя Редколлегии

серии «Литературные памятники» АН СССР

Член-корр. АН СССР А.М. Самсонов

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» — Л.К. Долгополову

4 марта 1978

Глубокоуважаемый Леонид Константинович!

Ваш доклад предполагается поставить на заседании секции книги Московского дома ученых поздней осенью 1978 г. Так как планы календарные там составляются заблаговременно, прошу Вас известить меня о возможности Вашего выступления месяца за два до того, как оно может состояться.

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись — автограф.

Повестка заседания Редколлегии
серии «Литературные памятники» АН СССР

Во вторник, 31 октября 1978 г. в 12 часов дня.

Текстология романа Андрея Белого «Петербург». Докладчик Л.К. Долгополов. [...] Заседание состоится в Ленинграде в Пушкинском доме.

Машинопись (ротап rint). Опу щены прочие пункты повестки дня.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

10 марта 1978

Дорогой Леонид Константинович!

Прочел Вашу книгу о Блоке. Прекрасно! Это лучшая книга о Блоке, которую я читал. «Путь» Максимова очень интересен, но цельного обзора, глубокого и одновременно популярного, книга Дм.Евг. не дает.

Не попробовать ли создать Вам такую же книгу о Белом? Это труднее в смысле прохождения, но, если и не пройдет, то втуне не останется. Напишите заявку. Я попробую провести. Пока мне не отказывают.

Искренне Вас любящий Д. Лихачев

И тени нет в книге приспособленчества. Тень впрочем неизбежна в последней главе, но... Вы не Орлов.

Машинопись; подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники»

4 февраля 1979

В Редакционная коллегияу серии «Литературные памятники»
Председателю Редколлегии академику Д.С. Лихачеву

Заявление

В связи с тем, что в план редакционно-издательской подготовки 1979 года включен роман А. Белого «Петербург», подготовленный мною и сданный в издательство пять лет тому назад, я обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Просьба эта вызвана тем, что за прошедшие пять лет в исследовательской литературе появились новые материалы, не использовать которые в работе над «Петербургом» теперь уже невозможно. Кроме того, мною самим за это же время проделана работа по дальнейшему изучению архивных материалов из фондов А. Белого и близких ему деятелей литературы, в результате чего выявлены ценнейшие документы, значительно дополняющие и проясняющие как историю создания романа, так и его реальное содержание. Наконец, за прошедшее время мною в соответствии с Примечанием к пункту 4 типового договора, дающим автору право опубликовать до выхода в свет свое произведение «в газетах и журналах», опубликованы некоторые разделы из состава Приложений в журналах (главным образом, это «Русская литература» и «Известия ОЛЯ»).

В результате сложилось такое положение, которое требует от меня дополнительной работы по упорядочению разделов «Приложения» и «Комментарии». Работа эта потребует и сил, и времени. Оба раздела необходимо упо-

рядочить, приведя их в соответствие с нынешним уровнем наших знаний о романе А. Белого «Петербург». Я прошу редакционную коллегию серии «Литературные памятники» ходатайствовать перед издательством «Наука» о следующем:

1. Перезаключить со мной договор на написание статьи «История создания романа А. Белого “Петербург”» объемом в 4 авт[орских] листа, сохранив ту оплату, которая была определена дополнением к договору (Соглашение № 2076 от 13 июня 1973 года), т.е. по 275 р. за 1 авт[орский] лист.

2. Включить в договор пункт по подготовке текстов раздела «Приложения» объемом в 4 авт[орских] листа.

3. Заключить договор с сотрудниками Пушкинского дома С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым на написание примечаний к тексту романа объемом в 4 авт[орских] листа. (Практическое участие С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова в написании примечаний уже осуществляется, но необходимо, чтобы оно было зафиксировано официально.)

Обращаясь с этой просьбой, я напоминаю, что рукопись книги «Андрей Белый. Петербург» сдана мною в издательство 30 ноября 1973 года. Выпускать ее в свет в том виде, в каком она была подготовлена пять лет назад, мне возможным не представляется. Обогадилась и литература об А. Белом, и наши знания о романе «Петербург» — одном из наиболее сложных явлений русской прозы.

С искренним уважением Л.К. Долгополов,
кандидат филологических наук

Машинопись (копия); подпись — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
директору ЛО издательства «Наука»

24 мая 1979

Директору Л/о издательства «Наука»

С.Н. Чепурову

Копии: Л.К. Долгополову
С.С. Гречишкину
А.В. Лаврову
Д.С. Лихачеву

Во уточнение к ранее сделанному представлению, редколлегия просит заключить договор на подготовку книги «Андрей Белый. Петербург» со следующими лицами:

1. Долгополов Леонид Константинович, кандидат филол. наук [...] подготовка текста (40 а.л.), написание статьи (3,5 а.л.) и примечания (2,5 а.л.).

2. Гречишкин С.С. [...] — написание примечаний (1,75 а.л.).

3. Лавров Александр Васильевич [...] — написание примечаний (1,75 а.л.).

4. Лихачев Дмитрий Сергеевич — титульное редактирование книги (49,5 а.л.)

Договоры с Д.Е. Максимовым и М.И. Дикман с их согласия на титульное редактирование должны быть расторгнуты.

Издание предусмотрено планом выпуска на 1980 год, утвержденным РИСО АН СССР.

Зам. Председателя Редколлегии
серии «Литературные памятники» АН СССР
Б.Ф. Егоров
Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина под копирку. Опуцены почтовые адреса.

20 декабря 1979 г. Ленинградское отделение издательства «Наука» в лице директора Чепурова Сергея Николаевича и Долгополов Леонид Константинович заключили издательский договор № 5020 на издание книги «Андрей Белый. Петербург». Рукопись представлена 30 ноября 1973 г. Расценки: статья-послесловие — 265 рублей за авторский лист, составление примечаний — 120 рублей за авторский лист, подготовка текста — 40 рублей за авторский лист.

Л.К. Долгополов — издательству «Художественная литература»

9 декабря 1980 г.

Издательство «Художественная литература»
Директору издательства В.О. Пузикову [так]

Многоуважаемый Валентин Осипович!

Недавно я узнал, что книга «Андрей Белый. Петербург», изданная Вашим издательством в 1978 г. с моими комментариями тиражом в 30 тыс. экз., вышла в нынешнем, 1980 году, вторым изданием и с теми же моими комментариями. Правда, мне сказали, что это было сделано по линии «Международной книги» и только для распространения через так называемую «Березку». Я не знаю, какие существуют правила на эти «березковые» издания, но по всем данным (имею в виду сроки — с момента выхода первого издания и с момента одобрения рукописи), а также наличие другого тиража (10 тыс. экз.), я, как мне кажется, — и это подтвердили мне сотрудники Ленинградского отделения охраны авторских прав — имею право на получение положенного мне гонорара. Так ведь бесконечно можно перепечатывать книги, продавать их за границу и не платить за них. Я вложил большой труд в это издание, проделав и работу, которая не предусматривалась договором (я вычитал всю книгу, от корки до корки, выправив и опечатки и описки А. Белого, и неточности А. Мясникова, и забывчивости П. Антокольского). В том, что книга вышла в таком приличном виде, есть немалая доля и моего труда.

Очень прошу Вас разъяснить мне положение дела, потому что, держа в руках второе издание книги, но не имея от Вас никаких сообщений на этот счет и никаких денег, нахожусь в некотором недоумении.

Прошу извинить меня за беспокойство.

Ваш Л. Долгополов

Машинопись (копия), подпись через копирку. Автор ошибся в фамилии адресата, о чем свидетельствует его запись на полях: Александр Иванович Пузилов — гл[авный] ред[актор]. Валентин Осипович Осипов — директор изд[ательств]ва.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

Дорогой Леонид Константинович!

Недавно я писал Пузикову о «Петербурге». Вот его ответ. Я о Вас и о Белом не забываю.

Простите меня, что я принял Вас в последний раз так «по-чиновничьи».

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по возможной связи с предыдущим письмом, хотя может иметь отношение к первому изданию «Петербурга» в «Художественной литературе» (1978). Ответ А.И. Пузикова в архиве не сохранился.

17 августа 1981 г. «Петербург» в серии «Литературные памятники» подписан в печать.

Запись Л.К. Долгополова

Январь 1984

О моем «Петербурге» (видимо?) запрещено упоминать в печати — ни звука, ни слова, хотя издание получило европейскую известность. В болтливой, примитивно-ортодоксальной, типично московской книжке В. Пискунова — ни слова об этом издании, хотя гребет он материал из меня лопатой. В чем дело? Видимо, если говорить — то серьезно, а к серьезным разговорам на серьезные лит[ературно]-ист[орические] темы отношение строгое.

Автограф. Имеется в виду книга: Пискунов В.М. Тема о России: Россия и революция в литературе начала XX века. М.: Советский писатель, 1983.

The Edition History of Andrey Bely's "Peterburg"

Vassili E. Molodiakov

Abstract: Publication of an unfinished memoir by L.K. Dolgoplov (1928–1995), a historian of the early XXth century Russian literature, and a set of documents from his archive devoted to the edition of Andrey Bely's novel "Peterburg" in the academic book series "Literaturnye pamyatniki".

Keywords: history of Russian philology, L.K. Dolgoplov, Andrey Bely, "Literaturnye pamyatniki" book series, preparation of a scholarly edition, historiography of the Russian Symbolism.

Information about the author: Vassily E. Molodiakov, LLD, PhD, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore@mail.ru